

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫЙ УЧЕБНО-НАУЧНЫЙ ЦЕНТР НГУ

А. Штоль

**«Серебряный век»
русской поэзии
часть 2**

Символист Александр Блок

Серия: СПЕКТР

**Выпуск 3 часть 2
Новосибирск
2014**

УДК 821.161
ББК 83.3я72

Ш92

Штоль А. А. «Серебряный век» русской поэзии. Ч. 2. Символист
Александр Блок: Учеб. пособие. Новосибирск: НГУ, 2014. 80 с.

© Новосибирский государственный
университет, 2014
© СУНЦ НГУ, 2014
© Штоль А. А., 2014

Александр Блок – самый известный поэт-символист России и очень значимая фигура «серебряного века». Уточним смысл этого словосочетания.

“Серебряный век”

Выражение «Серебряный век» восходит к античной традиции: см. деление истории человечества на золотой, серебряный, медный и железный века у древнегреческого поэта *Гесиода* (ок. 700 до н.э.).

В России в конце XIX столетия так могли называть период после пушкинского *Золотого века*, время таких поэтов, как Ф. И. Тютчев (1803–1873), А. А. Фет (1820–1892) и др.

Напр., В. С. Соловьев (1853–1900) сказал об этом времени: «*серебряный век русской лирики*». («Импрессионизм мысли», 1897)

А потом получил такое название период рубежа XIX–XX столетий, уже после своего завершения – сначала в среде русской эмиграции, оценившей ушедшую эпоху как второй расцвет русской культуры после пушкинского периода.

В принятом сейчас смысле первым использовал это обозначение, вероятно, поэт и критик эмигрант *Н. А. Оцуп* (1894–1958); см. его статью «Серебряный век», впервые напечатана в 1933 г.

На Западе оно стало широко использоваться с середины XX в., в России с конца его (советское литературоведение употреблять его идеологически остерегалось).

Началом его считают рождение русского символизма (середина 1890-х гг.); концом – обычно время революции, гражданской войны.

В 1921 г. уходят из жизни А. А. Блок и Н. С. Гумилёв, «отец» акмеизма (расстрелян в 35 лет).

Н. Н. Берберова (1901–1993) вспоминает о похоронах Блока («Курсив мой», 1966): «...Наверное, не было в этой толпе человека, который бы не подумал – хоть на одно мгновение – о том, что умер не только Блок, что ... кончается период, завершается круг российских судеб, останавливается эпоха...»

Вскоре умер Велимир Хлебников (1885–1922), а потом В. Я. Брюсов (1873–1924).

Да, продолжали жить и творить некоторые из ведущих поэтов ушедшей эпохи.

Но или в эмиграции, лишённые «питательной среды», как К. Д. Бальмонт (1867–1942), М. И. Цветаева (1892–1941), Игорь-Северянин (И. В. Лотарёв; 1887–1941).

В эмиграции и И. А. Бунин (1870–1953), Д. С. Мережковский (1865–1941), З. Н. Гиппиус (1869–1945), В. И. Иванов (1866–1949), почти ушедшие от стихов.

Андрей Белый (1880–1934) в России писал воспоминания.

Или печатались мало – как А. А. Ахматова (1889–1966), О. Э. Мандельштам (1891–1938), Б. Л. Пастернак (1890–1960); и не они определяли *дух поэзии* послереволюционного времени; и позднее творчество их во многом иное.

И характер поэзии В. В. Маяковского (1893–1930) после революции ощутимо меняется.

С. А. Есенина (1895–1925) «*серебряным*» считают не все – по времени становления и особенностям его поэзии.

В конце 1920-х гг. обозначились *обэриуты*, которых как раз иногда относят к «серебряному веку».

ОБЭРИУ (Объединение Реального Искусства) – группа писателей и деятелей культуры, существовавшая в конце 1920-х гг. до 1931 г., когда его основатели Даниил Хармс, Александр Введенский, Игорь Бахтерев были арестованы по политическому делу и сосланы (Николая Заболоцкого в тот раз не взяли).

Культивировали гротеск, алогизм, поэтику абсурда. Своим как бы литературным предшественником считали Хлебникова.

Обэриутов можно считать *отзвуком* «серебряного века» по линии Хлебникова (и *призвуком* современного им западного сюрреализма), но в сам этот «век» они вряд ли вписываются.

Поэтому я только упоминаю о них (как и о сюрреализме) – думаю, они за пределами моей темы.

И уж для всех крайняя граница «серебряного века» – годы 1930 (смерть Маяковского) – 1931 (арест обэриутов).

Тут в России *гайки закрутили* окончательно.

Жена Осипа Мандельштама Надежда Яковлевна (1899–1960) пишет (Мандельштам Н. Я. Воспоминания – М.: Согласие, 1999 г.):

«*Полный порядок в надстройке был наведен в тридцатом году, когда в «Большевике» появилось письмо Сталина, призывающее не печатать ничего, что бы отклонялось от государственной точки зрения.*»

С вопросом о хронологии связана проблема *содержания* понятия «Серебряный век».

Николай Оцуп объяснил, что он *«предложил это название для характеристики модернистической русской литературы»*; он видел *«два центральных течения новой русской поэзии»*: символизм и акмеизм.

А вот одно из представлений начала XXI века.

«Литература «серебряного века» – это символизм и течения, возникшие в диалоге и борьбе с символизмом: акмеизм и футуризм.<...> Относительное единство литературе «серебряного века» придаёт система образов, созданная символистами и унаследованная от символизма».

Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия. — М.: Росмэн. Под ред. проф. А. П. Горкина 2006.

И. Н. Сухих (Литература. Учебник для 11 класса. Ч. 1) пишет:

«Серебряный век понимался преимущественно как эпоха русского модернизма, время символизма и акмеизма, Блока, Брюсова, Ахматовой, Мандельштама. Но постепенно этот круг расширился, в него включили практически всех работавших в эту эпоху писателей. Из мировоззренческой, эстетической характеристики Серебряный век превратился в обозначение хронологического отрезка, противоречивой культурной эпохи, включающей также И. Бунина, М. Горького, Л. Андреева – писателей разных направлений, часто полемизирующих между собой, объединённых, тем не менее, духом времени, тяготением к поставленным новой эпохой “проклятым вопросам”.<...>

В таком расширенном понимании Серебряный век включает и русскую религиозную философию (Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, Лев Шестов), и модернистские течения в живописи (объединения «Бубновый валет» и «Ослиный хвост»), и музыку (А. Н. Скрябин, С. В. Рахманинов), и театральные искания (постановки В. Э. Мейерхольда, оформительская деятельность Л. С. Бакста и А. Н. Бенуа).

Серебряный век ... оказывается не направлением, а исторической полосой, степью, через которую вынуждены были пройти все: согласные и несогласные с установившейся в ней погодой, оказавшиеся позднее в разных местах и поэтому по-разному оценивающие пройденный путь».

Но тут вопрос: *какая «погода» и почему «установилась» в это время, отличив его от других «хронологических отрезков»?*

Философ *Н. А. Бердяев* (1874–1948) в изданной вскоре после его смерти книге «Самопознание» называет начало XX века «*русским культурным ренессансом*».

«...Тогда было опьянение творческим подъемом, новизна, напряженность, борьба, вызов.<...> Это была эпоха пробуждения в России самостоятельной философской мысли, расцвета поэзии и обострения эстетической чувствительности, религиозного беспокойства и искания, интереса к мистике и оккультизму. Появились новые души... соединяли чувства заката и гибели с чувством восхода и с надеждой на преображение жизни. Но все происходило в довольно замкнутом круге, оторванном от широкого социального движения.<...> Как это часто бывает, элемент творческий и серьезный соединялся с элементом подражания и моды. Слишком многие вдруг стали эстетами, мистиками, оккультистами, презирали этику, пренебрежительно относились к науке.<...>

Мне всегда была неприятна литературщина, тепличная атмосфера, замкнутость в узком кругу, эгоцентризм поэтов, ждущих восхваления их стихов, бессознательная лживость увлеченных оккультными течениями... Я считаю своей слабостью, что в период моей близости к движению умов и душ того времени у меня несколько ослабел и отодвинулся на второй план присущий мне социальный интерес. Это эгоизм культурной элиты.<...>

Культурный ренессанс не имел сколько-нибудь широкого социального излучения.<...> Творческие идеи начала XX века, которые связаны были с самыми даровитыми людьми того времени, не увлекали не только народные массы, но и более широкий круг интеллигенции. <...> Это оказалось роковым для характера русской революции – революция совершила настоящий погром высокой русской культуры.<...>

Русский культурный ренессанс начала века был одной из самых тонченных эпох в истории русской культуры. Это была эпоха творческого подъема поэзии и философии после периода упадка. Это была вместе с тем эпоха появления новых душ, новой чувствительности. Души раскрылись для всякого рода мистических веяний, и положительных и отрицательных. Никогда еще не были так сильны у нас всякого рода прельщения и смешения. Вместе с тем русскими душами овладели предчувствия надвигающихся катастроф...<...> Но апокалиптическое настроение, ожидание грядущих катастроф у русских всегда связано и с великой надеждой».

Число деятелей этого *ренессанса* было невелико – как и социальное, культурное «*излучение*» их творчества.

Интересно вспомнить о тиражах книг стихов.

Историческое отступление о лирических тиражах

Первые издания известных поэтов «серебряного века» имели тираж где-то до 1000 экземпляров (обычно 300–600), притом печатались они нередко за счёт автора.

Бальмонт в 1890 г. издал «Сборник стихотворений» (140 с.) на свои средства и сжёг почти весь его небольшой тираж: читателей практически не нашлось.

3 книжки «Русские символисты», изданные Брюсовым в 1894 г., имели тираж по 200 экз. Тем же малым тиражом в 1895 г. напечатал он свой первый сборник «Шедевры» (90 с.); второе издание его через год имело тираж 600 экз.

Андрей Белый в 1904 г. напечатал «Золото в лазури» (260 с.) – несколько сотен экземпляров.

Блок, уже имевший некоторую известность по журнальным публикациям, в 1905 г. издал «Стихи о Прекрасной Даме» (144 с., 129 стихотворений) тиражом 1200 экз. (*рекорд в номинации*).

Гумилёв выпустил (на средства родителей) в 1905 г. книжку «Путь конквистадоров» (76 с.) тиражом 300 экз.; в 1910 г. – «Жемчуга», 1100 экз.

Первая книга Мандельштама, «Камень» (23 стихотворения), вышла в 1913 г. тиражом в 300 экз. на средства автора; в дек. 1915 г. (обозначено 1916) вышло её второе издание (67 стихотворений) тиражом 1000 экз., также на средства автора.

У Ахматовой первый сборник стихов «Вечер» вышел в 1912 г. в издании «Цеха поэтов» тиражом 300 экз.

«Вечерний альбом» Цветаевой (224 с.) издан в 1910 г. тиражом 500 экз. на «карманные» деньги автора.

Северянин в 1904–1913 гг. издал 35 тонких брошюрок (от 2 до 16 стихотворений, до 100 экз.), рассылая их по редакциям "для отзыва".

Сборники футуристов: «Садок судей», 1910 г. (131 с.), 300 экз.; «Пощёчина общественному вкусу», 1912 г., 600 экз.;

«Садок судей II», 1913 г., 800 экз.

Маяковский, «Я!», 1913 г. – 300 экз.

Хлебников, «Ряв!», 1914 г. – 1000 экз. (изданные до того сборники футуристов почти наполовину состояли из его стихов).

Пастернак, «Близнец в тучах», 1914 г. – 200 экз.

Есенин, «Радуница», 1916 г.; 62 с. – 900 экз.

Приобретшие известность авторы могли рассчитывать на тиражи от 1000 до 2000 экз.; редко тираж их книг превышал 3000.

Сборники стихов Брюсова в начале XX в. выходили тиражом от 1200 до 2100 экз.

Бальмонта читали больше. Например, его «Звенья. Избранные стихи. 1890–1912» вышли в 1913 г. тиражом 5000 экз. Всего же он написал 35 книг стихов.

Книги стихов А. Белого до революции имели тираж 1000–1200 экз. (а вот его роман «Петербург» 8100 экз.; в переизданиях 6000 и 5000).

У Блока в 1916 г. переиздается «Собрание стихотворений» (3 тома) и том пьес – по 3000 экз. каждый том (в первом издании 1911–1912 гг. тома имели тираж по 1300 экз.)

Небывальыми тиражами печаталась его поэма «Двенадцать».

Обычный тираж книг стихов Гумилёва – несколько более тысячи. «Огненный столп», подготовленный автором, вышел после его смерти двумя изданиями в 1921–1922 гг. общим тиражом в 4000 экз.

Второй сборник стихов Ахматовой, «Чётки», вышел в 1914 г. тиражом 1000 экз. (и переиздавался 8 раз); «Белая стая» (1917 г.) и «Анно Домини» (1921 г.) имели тираж по 2000 экз.

Цветаева перед эмиграцией издала «Версты: Стихи. Вып. 1» (121 с.) в 1922 г. (Гос. изд-во) тиражом 2000 экз. и «Вёрсты» (56 с.) двумя изданиями в 1921–1922 гг. (изд-во «Костёр») по 1000 экз. В эмиграции её поэзия спросом не пользовалась. Последний прижизненный сборник стихов поэтессы – «После России, 1922–1925»; Париж, 1928 г., 500 экз.

4-й том собрания сочинений Бунина с его стихами (1908 г.) – 3200 экз.

Самым читаемым поэтом перед революцией стал Северянин. Его «Громокипящий кубок» за 1913–1916 гг. выдержал 9 изданий общим тиражом более 16 000 экз.; 10-е издание 1918 г. (208 с.) – 15 000 экз. Общий тираж других его книг стихов 1914–1918 гг. во всех их изданиях – около 90 тыс. в эмиграции – около 50 тыс. экз.

Поэма «Облако в штанах» Маяковского в первом издании (1915 г.) имела тираж 1050 экз., во втором (1918 г.) – 1500. Книжка «Простое как мычание. Стихотворения. Поэмы» (116 с.), 1916 г. – 2000 экз. «Все сочиненное Владимиром Маяковским» (283 с.), 1919 г. – 10 000 экз.

У Хлебникова в год его смерти (1922) выходит книжка «Зангези» (35 с.) тиражом 2000 экз.

У Пастернака в 1922 г. «Сестра моя – жизнь» (136 с.); 1000 экз.

Есенин в 1921 г. переиздал «Радуницу» в новом составе тиражом 4500 экз.; «Москва кабацкая», 1924 г., имела тираж 3000 экз.

Печатались стихи, конечно, и в журналах. Но те, что представляли *новое искусство*, были малотиражными.

Тираж знаменитого художественного журнала «*Мир искусства*» (1898–1904 гг.) едва превышал тысячу экземпляров.

Символистский журнал «*Весы*», издававшийся в Москве с 1904 по 1909 годы, достиг тиража более полутора тысяч экземпляров.

В той же «весовой категории» был «*Аполлон*» (1909–1918 гг.).

Сравним.

Тиражи издательства «*Знание*», которое в 1903 – 1910 гг. возглавлял А. М. Горький (1868–1936), были на порядок больше: десятки тысяч экземпляров. Издавались книги самого М. Горького, А. П. Чехова, И. А. Бунина, А. И. Куприна, Л. Н. Андреева, В. В. Вересаева, А. С. Серафимовича и др.

Самым издаваемым из великих русских писателей в начале XX века был Л. Н. Толстой.

До революции издано в России 10 млн экз. книг Толстого на 10 языках.

Тираж Сочинений в 24 т., 1913 г. – 100 000 экз.

А Лев Толстой «самым знаменитым русским писателем» называл *Матвея Комарова*, автора лубочных книжек конца XVIII в. Наиболее известные – «Повесть о приключении английского милорда Георга и бранденбургской маркграфини Фредерики Луизы...» (это «*милорд глупый*» у Некрасова в «Кому на Руси жить хорошо») и «Славный мошенник и вор Ванька Каин» (упомянут в «Маскараде» Лермонтова). Эти издания копеечной стоимости расходились миллионными тиражами вплоть до революции.

О Матвее Комарове биографических сведений нет. Предположительно он был крепостным и служил домоуправителем.

У более образованной публики были свои кумиры. По отчётам библиотек, наибольшим читательским спросом (опережая Толстого) пользовалась *Анастасия Вербицкая* (1861–1928), феминистка с умеренным писательским даром.

В статье из ЭС Брокгауза и Ефрона С. А. Венгеров пишет про «однообразие центрального образа» её книг: «обаятельной, необыкновенно умной, необыкновенно образованной, неумолимо честной и стойкой прогрессистки, пред красотой и нравственной силой которой все падают ниц».

Суммарный тираж её наиболее известного романа «Ключи счастья» (4 тома) перевалил за 2 млн. Экранизация его в 1913 г. стала самой кассовой лентой дореволюционного русского кинематографа.

Не знаю, имеет ли смысл вопрос о том, как сказался *серебряный культурный ренессанс* на жизни страны, $\frac{3}{4}$ населения которой в начале XX века было неграмотно.

Численность её обитателей со *средним* и высшим образованием в 1914 г. – около 3 млн (примерно 2 % населения). Одна книжка самых *тиражных* поэтов первых двадцати лет века (Северянина, Блока, Бальмонта, Брюсова, Маяковского) приходилась на несколько десятков *образованных*. Сколькие из них и *как* читали стихи современников?

И вовсе странно говорить о влиянии литературы, философии *серебряного века* на правящую, финансовую «*элиту*» того времени (хотя как и любого другого).

Победившая Советская власть явно приписывала печатному слову особую силу (возможно, лидеры её судили по себе). Литература должна служить социалистическим преобразованиям – или, по крайней мере, не вредить им.

Большое значение придавалось газетам; в них публиковали и очерки, рассказы, стихи с *нужным* смыслом.

А. В. Луначарский (1875–1933) вспоминал, что при назначении его «комиссаром по просвещению», через сутки после взятия Зимнего, Ленин сказал ему:

«Постарайтесь обратить в первую голову внимание на библиотеки... Поскорее надо сделать книгу доступной массе». «Нашу книгу надо постараться бросить в возможно большем количестве и во все концы России».

(По речи на заседании, посвященном 5-й годовщине образования Госиздата).

Ещё во время гражданской войны возник Госиздат.

Государственное издательство РСФСР, первое крупное советское издательство, организовано в мае 1919 г. в Москве при Наркомпросе (Народном комиссариате просвещения) РСФСР в целях создания единого государственного аппарата печатного слова.

На Госиздат, кроме выпуска собственно изданий, возлагалось составление единого издательского плана, руководство другими издательствами, контроль за книгораспространением и т. д.

Вначале он выпускал в основном литературу политическую, агитационную: басни Демьяна Бедного (1883–1945; общий тираж его книг в 1920-е гг. – свыше 2 млн), стихи В. В. Маяковского и т. п.

С 1920 г. Госиздат издавал сочинения К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, классиков русской и иностранной литературы.

Вот информация по теме.

Алла Волкова *Геном русской души 1930–1950-е*

<http://maxpark.com/community/4707/content/1869233>

«В начале 1918 года был составлен и утвержден список из 58 имен столпов мировой литературы с учетом их «близости трудовому народу». Дешевые, а зачастую и вовсе бесплатные сборники классической прозы, напечатанные стертым шрифтом на оберточной бумаге, в массовом порядке были вброшены в жаждущую знаний массу. В 1919-м список расширился до 1500 наименований. Охват был широк: от «Сатирикона» Петрония до Марка Твена, Дюма и Анри де Ренье. <...>

Уже к 1931 году общий тираж книг в 10 раз превысил тираж 1913 года».

А частные издательства постепенно сходили на нет.

В начале НЭПа в Москве и Петрограде было более 400 частных издательств. Власть позволяла их в рамках политики того периода, но держала под контролем цензурным («*Цензура является для нас оружием противодействия растлевающему влиянию буржуазной идеологии*» – из циркуляра Главлита, Главного управления по делам литературы и издательств, 1922 г.), затрудняя их выживание («своим» издательствам давала налоговые льготы, кредиты, частным нет).

С 1926–1927 гг., когда обострилась борьба руководства компартии с оппозицией, частные издательства стали просто закрывать. В 1927 г. их осталось около сотни, к 1930 г. – с десяток; давали они доли процента печатной продукции.

Всего в 1918–1930 гг. частными издательствами Москвы и Петрограда-Ленинграда было выпущено около 16 000 наименований книг общим тиражом менее 150 000 экз.

Далее в СССР частных издательств не было – до его конца.

Стихи эмигрантов в Советской России при Сталине не публиковали.

Расстрелянного в августе 1921 года Гумилёва – тоже. Но он не входил в «*Списки лиц, все произведения которых подлежат изъятию*» (их составлял как бы Главлит), и вышедшие книги его вроде не были запрещены.

Приведу некоторые данные о прижизненных тиражах в СССР книг поэтов, ставших известными до революции и оставшихся в стране.

Маяковский

Владимир Ильич Ленин [Поэма]. – Л.; М.: Госиздат, 1925. 94 с.; 10 000 экз.
Переиздание (Там же) 1927 – 15 000 экз.
Облако в штанах. – М.: Б-ка «Огонек»; № 28, 1925. 31 с.; 50 000 экз.
Летающий пролетарий [Поэма]. – М.: Авиаизд-во, 1925. 64 с.; 30 000 экз.
Избранное из избранного. – М.: Б-ка «Огонек», 1926. 54 с.; 18 000 экз.
Хорошо!: Октябрьская поэма. – М.; Л.: Госиздат, 1927. 104 с.; 3000 экз.
Хорошо!: – 2-е изд. (Там же) 1928.; 10 000 экз.
Школьный Маяковский: [Стихотворения] – М.; Л.: Госиздат, 1929. 103 с.
(Дешевая библиотека современных писателей); 15 000 экз.
Собрание сочинений в 8 томах (+ 2 тома неавторских): М.; Л.: Госиздат,
1928–1931; в среднем том ок. 350 с., тираж каждого тома 3000 экз.

Есенин

Избранные стихи. – М.: Изд-во «Огонек», 1925. 47 с.; 50 000 экз.
Песнь о великом походе. – М.: Госиздат, 1925. 32 с.; 20 000 экз.
Книги стихов Есенина в 1925-1930 гг. в частных издательствах
имели тиражи от 1 500 до 5 000 экз.
Сразу после смерти Есенина в Госиздате вышло подготовленное по-
этом собрание его стихотворений в 4-х т. (М.; Л., 1926-1927; общее
число страниц – 1360), каждый том тиражом по 10 000 экз.
Через год было переиздание (Л.: Гиз) вдвое большим тиражом.

Пастернак

Избранные стихи. – М.: Изд-во «Огонек», 1929. 32 с.; 14 500 экз.
Стихотворения. – Изд-во писателей в Ленинграде, 1933. 430 с.; 5500 экз.
Стихотворения. – Л., «Художественная литература», 1935. 440 с.; 10 000 экз.
На ранних поездах. – М.: «Советский писатель», 1943. 52с.; 3000 экз.
Земной простор. – М.: «Советский писатель», 1945. 45 с.; 10 000 экз.

Ахматова

Из шести книг. – Л.: «Советский писатель», 1940. 327 с.; 10 000 экз.
(через полгода запрещён, изъят из библиотек).
Избранное. Стихи. – Ташкент: «Советский писатель», 1943. 114 с.; 10 000 экз.
Стихотворения. – М.: ГИХЛ, 1958. 131 с.; 25 000 экз.
Сборник «куцый», по оценке Ахматовой.
Стихотворения. 1909–1960. – М.: ГИХЛ, (Б-ка сов. поэзии), 1961.
319 с.; 50 000 экз.
Бег времени. – М.; Л. 1965. 111 стихотворений; 25 000 экз.
Авторский вариант книги был сильно урезан.
В 2013 г. он увидел свет – в количестве 3000 экз.

Мандельштам

Стихотворения. – М.; Л.: Госиздат, 1928. 196 с.; 2000 экз.

Видно, что довольно много публиковали Маяковского.

Надо ещё учесть, что немало его стихов появлялось в периодике, а также в виде *агитлубков*, обычно тиражом в 20 000 экз.

Недурно издавался Есенин.

Средненько по тем временам – Пастернак.

Мандельштама и Ахматову почти не печатали (поэтессу *полуразрешили* после смерти Сталина).

После самоубийства Маяковского на несколько лет о нём *подзабыли* – до резолюции *вождя* (1935 г., на письме Лили Брик):

«Маяковский был и остается лучшим и талантливейшим поэтом нашей советской эпохи. Безразличие к его памяти и к его произведениям – преступление».

И поэта стали и продолжали активно издавать.

Вышло Собрание сочинений Маяковского в 12 т. (1934–1938; 10 000 экз.); его Собрание сочинений в 4 т. (Госиздат, 1936. 1590 с.; 75 000 экз.).

Потом издано Полное собрание сочинений Маяковского в 13 т.

(Гос. изд-во худ. литературы, 1939–1949. 5138 с.; 20 000 экз.).

Напечатали Сочинения в одном томе (М: Худ. лит., 1941. 536 с.; 300 000 экз.).

А после смерти Сталина: Полное собрание сочинений в 13 т.

АН СССР. – М.: Худ. лит., 1955–1961. 6032 с.; 200 000 экз.

До 1980-х гг. напечатано огромное количество книг поэта.

По сведениям Всесоюзной книжной палаты, на 1.01.1973 общий тираж книг Владимира Маяковского составлял 74 млн 525 тыс.; его произведения были переведены на 56 языков народов СССР и на 42 иностранных языка.

<http://www.litra.ru/biography/get/biid/00890951227272339735/>

А как издавали *упадочного* Есенина, другого самоубийцу?

В 1930-е гг. и до смерти Сталина вышли в свет сотни тысяч книг Есенина. Самые заметные издания:

Сборник стихов. – М.: Гос. издат. худ. лит., 1943. 576 с.; 25 000 экз.

Избранное. – М.: Гос. издат. худ. лит., 1946. 480 с.; 57 000 экз.

Избранное. – М.: Гос. издат. худ. лит., 1952. 272 с.; 75 000 экз.

Потом, в 1950–1960-х гг., изданы были миллионы книг поэта;

в 1970–1980-е гг. – в разы больше. Отметим:

Сочинения в 2 т. – М.: Гос. издат. худ. лит., 1955. 348+236 с.; 150 000 экз.

Сочинения в 2 ч. – Киев: Радяньский письменник, 1959. 580 с.; 300 000 экз.

Собрание сочинений в 5 т.– М.: Худ. лит., 1961. 2000 с.; 500 000 экз.; + переиздания.

Собрание сочинений в 3 томах. – М: Правда, 1970. 1150 с.; 1 940 000 экз.

Стихотворения. Поэмы. – М.; Худ. лит, БВЛ, 1973. 384 с.; 303 000 экз.

Собрание сочинений в 6 т. – М.: Худ. лит., 1977. 2580 с.; 500 000 экз.

Собрание сочинений в 3 т. – М: Правда, 1983. 1300 с.; 700 000 экз.

Много печатали Есенина и в регионах. А вот *пиковое* издание:

Собрание сочинений в 2 т.– Сов. Россия, Современник, 1990. 864 с.; 7 000 000 экз.

Очень много при Советской власти публиковали Блока.

Вот перечень только наиболее заметных его изданий.

Собрание сочинений в 12 т.– Л.: 1932–1936. 3576 с.; 10 500 экз.

Собрание соч. в 2 т. – Гос. издат. худ. лит, 1955. 1628 с.; 150 000 экз.

Собрание сочинений в 8 т.– М.; Л.: ИХЛ, 1960–1963. 200 000 экз.

Собрание сочинений в 6 т.– М.: Правда, 1971. 2862 с.; 375 000 экз.

Собрание сочинений в 6 т. – Л.: Худ. лит., 1980–1983, 300 000 экз.

Посмотрим, как издавались другие поэты «серебряного века» в СССР за пределами их жизни.

Брюсова основательно вспомнили после смерти Сталина.

Избранные сочинения. В 2 т.– М.: Гослитиздат, 1955. 1400 с.; 75 000 экз.

Собрание сочинений в 7 т. – М.: Худ. лит, 1973. 4020 с.; 100 000 экз.

В 1970–1980-е гг. неоднократно выходили его книги «Избранное» тиражом от 100 до 200 тыс. И даже в 1982 (464 с.) – 500 000 экз.

И: Сочинения в 2 т. – М.: Худ. лит, 1987. 1420 с.; 400 000 экз.

Эмигранта Бальмонта при Сталине для России не было.

С 1960-х гг. его стихи в СССР стали печатать в антологиях. И:

Стихотворения.– Л.: Сов. писатель (Б-ка поэта. М.с.), 1969 г. 712 с.; 40 000 экз.).

В 1980-х издавались книги *избранного* Бальмонта 50-тысячными тиражами.

В *перестройку*: Стихотворения. – М.: Худ. лит., 1990. 400 с.; 1 млн экз.

Андрей Белый до *перестройки* мало издавался.

Были подборки его стихов в хрестоматиях, а также:

Стихотворения. – Л.: Сов. писатель (Б-ка поэта. М.с.), 1940. 240 с.; 10 000 экз.

Стихотворения и поэмы. – М. Л.: Сов. писатель (Б-ка поэта. Б.с.), 1966. 655 с.

В 1989-1990 был пик публикаций: мемуары (тираж книг по 200 000 экз.)

«На рубеже двух столетий», «Начало века», «Между двух революций»

и Сочинения в двух томах. – М.: Худ. лит., 1990. 704+672 с. 200 000 экз.

Отдельные стихи Гумилёва стали публиковать в хрестоматиях с начала 1960-х – как пример акмеистической поэзии.

При *перестройке* в Большой серии Библиотеки поэта вышла

книга его стихов (Л. Сов. писатель, 1988 г. 632 с.; 100 000 экз.); потом

Собрание сочинений в 4 т. – Терра, 1991. 1664 с.; 100 000 экз. – и пр.

Ахматову вполне издавали в 1970-е гг. Например:

Стихотворения и поэмы.– Л.: Сов. писатель (Б-ка поэта), 1976. 558 с.; 40 000 экз.

Стихотворения. – М.: Сов. Россия, 1977. 528 с.; 100 000 экз.

В конце 1980-х – в 1990-м:

Стихотворения и поэмы. – Лениздат, 1989. 608 с., 200 000 экз.

Я – голос ваш...– М.: Книжная палата, 1989. 200 000 экз.

Сочинения в 2-х томах выходят в нескольких вариантах:

М.: Худ. лит, 1987, 972 с.; 150 000 экз. Панорама, 1990, 1052 с.; 100 000 экз;

М.: Правда, 1990. 448 + 432 с.; 1 700 000 экз.

Первая посмертная книга произведений Цветаевой появилась к 20-летию её самоубийства; вскоре вышли и основательные: Избранное.– М.: 1961. 304 с.; 25 000 экз.;

Избранные произведения.– Л.: Сов. писатель (Б-ка поэта), 1965. 812 с.; 40 000 экз..

Потом в разных издательствах до *перестройки* (в основном в 1980–1986) вышли книги её стихов общим тиражом примерно в миллион экземпляров; в 1987–1989 – более 2,5 млн.

Издавалась проза поэтессы («Мой Пушкин» – более миллиона экз.).

В 1990 г. тиражом в 1 млн экземпляров была издана её книга Стихотворения. Поэмы. Драматические произведения.– М.: Худ. лит., 1990. 400 с.

В 1994–1995 – Собрание сочинений в 7 т.; тираж 29 000.

Хлебников не был отвергнут *идеологически*. Иногда издавали.

Собрание произведений в 5 томах.– Л.: Изд-во писателей, 1928–1933. 1700 с.; средний тираж томов 3200 экз.

Стихотворения.– Л.: Сов. писатель (Б-ка поэта. М.с), 1940. 242 с.; 10 000 экз.

Стихотворения и поэмы.– Л.: Сов. писатель (Б-ка поэта. М.с), 1960. 397 с.; 50 000 экз.

Творения. – М.: Сов. писатель, 1987. 736 с., 200 000 экз.

Избранное. – М.: Детская литература, 1989. 128 с.; 300 000 экз.

Мандельштам опять же с начала 1960-х гг. чуть публиковали в хрестоматиях *для примера*; потом в 1970-х гг.:

Стихотворения.– М.Л.: Сов. писатель (Б-ка поэта. Б.с.), 1973. 336 с.; 15 000 экз.

(переиздания в 1974, 1978 и 1979 годах).

А по-настоящему – при *перестройке*. Заметное издание:

Сочинения в 2 т. – М.: Худ. литература, 1990. 638+464 с. 200 000 экз.

Северянин опять стал быть в русской культуре после Сталина.

Сначала в хрестоматиях; потом и в отдельных изданиях.

Стихотворения. – Л.: Сов. писатель (Б-ка поэта, М.с.), 1975. 498 с.; 15 000 экз.

Переиздание 1978. 496 с.; 20 000 экз.

Стихотворения. – М.: Сов. Россия, 1988. 464 с.; 300 000 экз.

Стихотворения. – Молодая гвардия, 1990. 240 с., 200 000 экз.

Соловей. – Союзтеатр, 1990. 208 с. 220 000 экз.

Лирика. – Л.: Детская литература, 1991. 224 с.; 100 000 экз.

Активно печатали поэта в *перестройку* и не центральные издательства.

Пастернак не был обижен вниманием после смерти, хотя незадолго до неё его отношения с властью были плохи.

Стихотворения и поэмы. – Госиздат, 1961. 376 с.; 30 000 экз.

Стихотворения и поэмы.– М.,Л.: Сов. писатель (Б-ка поэта), 1965. 730 с.; 40 000 экз.

Избранное; в 2 т.– М. : Худ. лит., 1985. 1180 с.; 100 000 экз.

Собрание сочинений в 5 т. - Худ. лит, 1989-1992. 3750 с.; 300 000 экз. (т 5-100 000)

В целом в *перестройку* вышли миллионы книг его стихов и экземпляров романа «*Доктор Живаго*».

Немало стихов поэтов «серебряного века» печаталось в 1960–1970-х гг. и далее в хрестоматиях. Например:

Русская литература XX века (дореволюционный период). Хрестоматия для пединститутов. – М.: Учпедгиз, 1962. 44 000 экз.

Русская поэзия начала XX века (дооктябрьский период). БВЛ, Антология. – М.: Худ. лит., 1977. 512 с.; 303 000 экз.

Русская поэзия конца XIX – начала XX века (дооктябрьский период). – М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1979. 558 с.; 100 000 экз.

К огню вселенскому: Русская советская поэзия 1920-1930 годов. Антология. (А. Блок, В. Брюсов, А. Белый, Ф. Сологуб, И. Бунин, К. Бальмонт, И. Северянин, М. Цветаева) М.: Правда, 1989. 576 с. 300 000 экз.

Очевидно: в СССР при Сталине поэтов «серебряного века», идеологически *не наших*, почти как бы не было.

Наши: советский Маяковский, народный Есенин и автор «Двенадцати».

В эпоху застоя их печатали в целом очень недурно; хотя, по мнению интеллигенции, недостаточно.

И в *перестройку* тиражи их книг выросли в разы.

В 1977 г. Андрей Вознесенский писал (иронических комментариев не даю – хотя искушение было):

Попробуйте купить Ахматову.
Вам букинисты объяснят,
что чёрный том её агатовый
куда дороже, чем агат.

<...>

Страною заново открыты
те, кто писали «для элит».
Есть всенародная элита.
Она за книгами стоит.

А самым известным поэтом «*послесеребряного*» времени стал А. Т. Твардовский (1910–1971).

Каким тиражом вообще издан его «Василий Тёркин», сказать трудно: по мере написания во время войны главы книги печатались в газетах, потом были отдельные издания, и не только центральные. Но явно счёт идёт на миллионы.

Ср. с тиражами *вещи* Твардовского, которая прошла в печать при его жизни только в 1963 г. (и «забыта» до *перестройки*):

Тёркин на том свете. – М.: Советский писатель, 1963. 104 с.; 14х10,5 см.; 150 000 экз. А до этого была публикация поэмы в газете «Известия» (17.08.1963) – это тираж на порядок больше.

Много стихов печаталось в 1960 – 1980-е гг.

Вообще в 1980-е гг. в СССР выпускалось более 80 000 изданий в год общим тиражом порядка 2 млрд экз.

Обычная книга стихов поэта начинающего, малоизвестного – около сотни страниц, формат примерно 16 x 12 см., тираж 5–10 тыс. экз. (зависело и от того, региональное это издательство или центральное).

Следующая ступень – до 200 с., тираж 20–50 тыс. экз.

Известные поэты, члены Союза писателей СССР, могли жить за счёт своих стихов – чего практически не было ни у авторов рубежа XIX–XX вв., ни на Западе вообще, ни сейчас и у нас.

Известнейшие поэты достигали тиража в 100 000 экз. и более.

Миллионы книг вышли под именами таких поэтов:

А. А. Вознесенский (1933–2010), Р. И. Рождественский (1932–1994), Е. А. Евтушенко (р.1932), Б. А. Ахмадулина (1937–2010).

А были ещё публикации в периодике (вот «Братская ГЭС» Евтушенко вышла в «Юности» в 1965 – а тираж журнала был за миллион).

Для примера – список заметных изданий А. А. Вознесенского.

Треугольная груша. – М.: Советский писатель, 1962. 108 с.; 50 000 экз.

Антимиры. – М.: Молодая гвардия, 1964. 221 с.; 60 000 экз.

Ахиллесово сердце. – М.: Худ. литература, 1966. 278 с.; 100 000 экз.

Взгляд. Стихи и поэмы. – М.: Советский писатель, 1972. 208 с.; 100.000 экз.

Выпусти птицу! Стихи и поэмы. – М.: Современник, 1974. 248 с. 50 000 экз.

Дубовый лист виолончельный.– М.: Худ. литература., 1975. 604 с.; 100 000 экз.

Витражных дел мастер. – М.: Молодая гвардия, 1976. 334 с.; 130 000 экз.

Переиздание М.: Советский писатель, 1980, 304 с.; 150 000 экз.

Соблазн. – М.: Советский писатель, 1978. 208 с.; 200 000 экз.

Собрание сочинений в 3-х т.– Л.: Худ.. 1983-84. ок.1500 с.; 75 000 экз.

Прорабы духа. – М.: Советский писатель, 1984. 496 с.; 200 000 экз.

Ров. – М.: Советский писатель, 1987. 736 с.; 200 000 экз.

Аксиома самоиска. – ИКПА, 1990. 615 с.; 200 000 экз.

В. С. Высоцкий (1938–1980) был ещё более известен – как автор и исполнитель песен; но книги своих текстов ему издать не довелось. И членом Союза писателей он не был.

Б. Ш. Окуджава (1924–1997) – тоже знаковая личность. Автор исторических романов, песен в фильмах, *бард* – а как *стихи* его тексты публиковались под конец его жизни.

Но *авторская песня* – а это и А. А. Галич (1918–1977), Ю. И. Визбор (1934–1984), Ю. Ч. Ким (р. 1936), а также более молодые, среди которых М. К. Щербаков (р. 1963), Т. С. Шаов (р. 1964) – отдельная тема.

В *перестройку* (кон. 1886–1990) издательства, получив свободу от «идеологии» и сохранив понятие о «художественности», стали издавать поэтов «*серебряного века*» такими тиражами, что были непредставимы при их жизни и немыслимы сейчас.

Пожалуй, тогда было наибольшее внимание к культуре «*серебряного века*». Видимо, это следствие некоторой попытки в некие *советские времена* внедрить в сознание части населения страны какие-то представления о том, что *культурная составляющая* жизни не менее важна, чем материальная, и уж важнее, чем *развлекалки*.

Возможно, эхо таких представлений есть и сейчас.

В конце 1980-х гг. в стране возродилось частное книгоиздательство (и разные учреждения стали больше печатать своё). Как это сказалось на издании поэтических книг?

Появилась возможность для авторов (молодых и пр.) публиковаться за свой счёт (или *от заведения*). Тиражи их книжек небольшие (от 50 до 500 экз., обычно сотня-другая), качество стихов всякое (нет фильтра редактора-критика). Стало легче заявить о себе, знакомым дарить плоды самовыражения – но к поэзии это имеет отношение чаще всего приблизительное.

Вообще книги стихов коммерческой выгоды обычно не дают. Частные издательства печатают их небольшими тиражами – для немногих любителей поэзии; или могут быть *престижные* издания для «элиты».

Но по нынешним тиражам книг авторов «*серебряного века*» судить о их актуальной востребованности трудно. Сравнительно недавно их было издано столько, что для интересующихся хватает. Да и можно найти почти любые стихи в интернете. Вряд ли их активно *качают* – хотя об этом говорить не берусь (вопросом надо заниматься специально). Ясно, конечно, что сейчас в целом к стихам ещё меньше интереса, чем хотя бы четверть века тому назад.

Для справки: семь книг Джоан Роулинг (р. 1965) о Гарри Поттере изданы в количестве около полумиллиарда экз. на ≈ 70 языках. Все экранизированы.

И ещё немного о художественных особенностях поэзии интересующего нас периода.

О поэтике символизма я отчасти писал в предыдущей брошюре («Серебряный век» русской поэзии. Часть 1. Рубеж веков. Русские поэты-символисты), что-то скажу ещё около Блока.

А здесь хочу процитировать известного литературоведа.

М. Л. Гаспаров (1935–2005)

ПОЭТИКА «СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА»

В антологии Русская поэзия «серебряного века», 1890–1917. – М.: Наука, 1998.

«Социальные, гражданские темы, стоявшие в центре внимания предыдущих поколений, решительно отодвигаются в сторону экзистенциальными¹ темами – Жизни, Смерти, Бога; серьезно обсуждать вопросы социальной несправедливости «в мире, где существует смерть», писали акмеисты, – это все равно, что ломиться в открытую дверь.<...>

Вечная тема любви раздваивается на бесконечно возвышенную и религиозно окрашенную любовь, сливающуюся с любовью к Богу, и удушливо накаленную земную эротику...<...>

... Образ поэта-пророка оттеняется образом поэта-денди, а потом поэта-хулигана (маска, созданная Маяковским и после революции перехваченная Есениным); на стыке этих двух образов – «Все мы бражники здесь, блудницы...» Ахматовой.<...>

Господствующим жанром становится лирика... Поэмы... исключительно лирические, и их часто трудно отличить от циклов стихотворений. Циклизация лирических стихотворений доходит до небывалого искусства – темы, завязавшиеся в одном стихотворении, перекидываются в следующие, развиваясь и переплетаясь. Складывается сложная композиционная иерархия: стихотворение входит в цикл, цикл – в раздел, а раздел – в часть стихотворного сборника; возникают такие поэтические монументы, как... итоговый трехтомник лирики Блока.<...>

Далее решительному пересмотру подверглось самое заметное в стихах – их версификационная² форма.<...> Были открыты новые, свободные от традиций чисто тонические³ размеры...<...> На протяжении одного стихотворения, даже небольшого, размер стал меняться по несколько раз в зависимости от перемены ситуации, настроения, чувства.... Наряду с точными рифмами открываются неточные: сперва простые... потом все более сложные...<...>

В новой поэзии слова приобретали новые значения, порождаемые контекстом и, как правило, более расплывчатые и более окказиональные⁴, применимые только для данного случая. <...> Сuggestивность⁵, рационально рассчитанное воздействие на иррациональное⁶ в воспринимающем сознании, требование активного соучастия читателя в творчестве поэтического представления были неременной частью программы модернизма от первых его шагов в 1890-х годах до разложения его к середине 1920-х годов, когда новое общество и новый читатель потребовали от поэзии полной понятности, т. е. не демонстрации творческих процессов, а выдачи готовых смысловых результатов. <...>

Слова стали подбираться друг к другу не только по смыслу, но и по звуку (в современной науке это называется «паронимической аттракцией» – «притяжением по звуковому подобию»). Такими были ранние стихи Бальмонта: «Вечер. Взморье. Вздохи ветра. / Величавый возглас волн. / Близко буря, в берег бьется / Чуждый чарам черный челн...»...

Затем доверие к слову как к «ключу тайн» перекидывается на его словообразовательные возможности. «Вечеровой» у Брюсова, «поцелуйный» у Бальмонта, «пирный» у Белого, не говоря уже о составных предложениях вроде «пламенносвятые» у Белого, – это расширение словаря за счет слов новых, легко понятных, но все-таки несущих какие-то новые трудноопределимые оттенки значения: ясно, что «вечеровой» не то же самое, что «вечерний», а то ли глубже по смыслу, то ли выше по стилю. Символисты и акмеисты пользовались этим сдержанно, но уже Игорь Северянин делает главным средством своего экстравагантного стиля обычные корни, обставленные необычными приставками и суффиксами: «огрезить», «окалошить», «ветропросвист», «чернобровье», «грезэрка», «бездарь»... <..> И наконец является... «заумный язык», целиком опирающийся на индивидуальное осмысление составляющих его звуков: от знаменитого хлебниковского «Бобэоби пелись губы, / Вззоми пелись взоры, / Пиэзо пелись брови, / Лизээй пелся облик, / Гзи-гзи-гзэо пелась цепь...» (для губ – скопление губных согласных, для взоров – начальное твердое «в» и напряженное «ээ» после него, для бровей – узкое «и»... для цепи – слоги, как звенья, и звукоподражательное звенящее «з») и до не менее знаменитого крученыховского «дыр бул щыл – убе – щур – сдум – вы со бу – р л эз» (семантические ассоциации типа «дыра была щелью...» возможны, но ни одна из них не авторизована)...<...>

...Общей подосновой всех экспериментов с семантикой слова – от осторожного расшатывания ее у символистов до эпатурирующего футуристического «дыр бул щыл» – было ... «музыка», иррациональное воздействие на читательское подсознание, суггестивное возбуждение трудноопределимых эмоций, своих и неповторимых у каждого читателя, но в конечном счете уводящих в одном направлении – к непознаваемой стихии, лежащей по ту сторону видимого мира, которую нельзя определить, а можно лишь передать в намеке.<...>

Заметим, что установка на «музыку» порой противоречила самому простому смыслу стихотворных фраз – и это сплошь и рядом не замечалось.<...> У Маяковского в «Облаке в штанах» говорится про страшную ночь: «Пришла. Пирует Мамаем,/ задом на город насеив». Здесь, во-первых, Куликовская битва спутана с битвой при Калке, после которой татары действительно пировали, сидя на досках, под которыми лежали русские пленники, а во-вторых, Мамай изображен победителем, хотя общеизвестно, что он был побежденным. И все-таки эти строки обычно воспринимаются без всякого недоумения, потому что для общего впечатления важна не смысловая связь, а нагнетание разрозненных устрашающих образов».

http://destruction.narod.ru/gasparov_ser_vek.htm

1. Экзистенциальный – относящийся к экзистенции (переживаемое человеком его существование как частный случай бытия).
2. Версификация (лат. *versificatio*, от *versus* стих, строка, и *facere* делать): искусство «делать» стихи; стихосложение.
3. В тониических стихах регулируется число ударных слогов в стихотворной строке, число же безударных слогов более-менее свободно (в отличие от силлабо-тониических размеров XIX в. с упорядоченным чередованием ударных и безударных слогов (ямб, хорей и *пр.*)).
4. Окказиональные слова [лат. *occasion*, случайный] – употребляющиеся лишь в определенных случаях, необщепринятые; *противопост.*: узуальные [лат. *usus*, правило] – имеющие общеупотребительный смысл.
5. Суггестивность (от лат. *suggestion*, внушение, намек), в поэзии активное воздействие на воображение, эмоции, подсознание читателя посредством образных, ритмических, звуковых ассоциаций, смысловых *оттенков*.
6. Рациональный [от лат. *ratio* в *значении* разум] – разумно обоснованный; иррациональный – невыразимый в логических понятиях и суждениях.

Важно: поэты «серебряного века» хотят переживать творимое их текстами *художественное бытие* как реальность, в которой только и можно жить по-настоящему.

Александр Блок 1880–1921

Отец – Александр Львович Блок (1852–1909), юрист, профессор Варшавского университета.

Мать – Александра Андреевна (урождённая Бекетова, 1860–1923), дочь ректора Санкт-Петербургского университета А. Н. Бекетова.

Вышла замуж в восемнадцать лет; вскоре после рождения сына она разорвала отношения с мужем. В 1889 добилась указа Синода о расторжении брака с первым супругом и вышла замуж за гвардейского офицера Ф. Ф. Кублицкого-Пиоттух, оставив при этом сыну фамилию первого мужа.

фотография 1887

В 9 лет Саша пошёл учиться во Введенскую гимназию.

В 1898 г., по её окончании, поступил на юридический факультет Петербургского университета; через 3 года перешёл на славяно-русское отделение историко-филологического факультета.

фотография 1898

В 1898 г. Блок познакомился с Любой Менделеевой, 16-летней дочерью знаменитого учёного, профессора Д. И. Менделеева.

В 1903 г. женился на ней.

В 1906 г. окончил университет.

Примечательно, что *Автобиография* Блока (1915) начинается фразой: «*Семья моей матери причастна к литературе и к науке*» – и являет собой в основном рассказ о семье, о его окружении вообще; о том, что его сформировало.

Там поэт говорит:

«"Сочинять" я стал чуть ли не с пяти лет. <...> Серьезное писание началось, когда мне было около 18 лет. Года три-четыре я показывал свои писания только матери и тетке. <...> Первые мои вещи появились в 1903 году в журнале "Новый путь" и, почти одновременно, в альманахе "Северные цветы"».

Первая его книжка, *«Стихи о Прекрасной Даме»*, вышла в конце 1904 г. (помечена 1905-м). В неё включены стихи 1901–1902 гг., в которых отражены отношения Блока с Любовью Дмитриевной Менделеевой (1881–1939).

Усадьба Менделеевых *Боблово* находилась в 8 верстах от усадьбы Бекетовых *Шахматово*, где обычно летом жил поэт (сейчас северо-запад Московской области).

Молодые люди часто виделись, играли в домашнем театре. 7.11.1902 после студенческого бала в Дворянском собрании они объяснились. 17.08.1903 была сыграна свадьба.

Фотография 1903: Любовь Менделеева и Блок

Прекрасная Дама

Для понимания Блока как поэта-символиста необходимо вникать в особенности его любовной жизни.

Запись в дневнике Блока 16.09.1902

(черновик неоплаченного письма к Л. Д. Менделеевой):

«...Я твердо уверен в существовании таинственной и малопостижимой связи между мной и Вами.<...> ...Я стремлюсь давно уже как-нибудь приблизиться к Вам... ..Меня оправдывает продолжительная и глубокая вера в Вас (как в земное воплощение пресловутой Пречистой Девы или Вечной Женственности, если Вам угодно знать).<...>...Невозможно изобрести форму, подходящую под этот весьма, доложу Вам, сложный случай отношений».

Представление о Вечной Женственности и её земном воплощении развивал Владимир Соловьёв (1853–1900).

Напомню его определение Мировой души (в ЭС Брокгауза и Ефрона): «единая внутренняя природа мира, мыслимая как живое существо, обладающее стремлениями, представлениями и чувствами».

Она отпала от Бога, с его попущения («Бог дает свободу хаосу»); результат этого – возникновение материального мира с его злом. Но мировая душа стремится воссоединиться с Богом, слиться с Софией (Премудростью Божией, греч. Σοφία – знание, мудрость; она же Вечная Женственность в Боге, соединяющая его с земным миром).

Сополагаются София и Логос (греч. слово, высказывание) в античной философии и христианском богословии.

Оно трактует Logos как второе лицо Троицы (Бог-сын); это присутствие Бога в мире, его нераздельное и неслиянное единство с человеческой природой (воплотилось в Христе).

Зачастую Логос понимается как мужское, активное начало; Вечная Женственность (и Мировая Душа, её дософийное состояние, по Соловьёву) – как принимающее, порождающее.

Примерно так. Интересующиеся могут вникать далее.

А Пречистая Дева связана с Вечной Женственностью у Блока, думаю, идеей святыни женского, служения ему.

Вним.: в 1903 автор «Стихов о Прекрасной Даме» студент Блок собирался писать зачетное сочинение на тему «Сказания об иконах Божьей Матери».

И повлияли на Блока мысли из работы Владимира Соловьёва Смысл любви (цикл из пяти статей, 1892–1893 гг.).

По ней для Соловьёва любовь в *мистической* основе её – это данная людям возможность подняться к высшей, лучшей действительности; но они её *энергию* тратят на *физическое соединение* и просто размножаются.

Любовь проламывает эгоизм (любящий почувствовал, что ему важен не только он сам) – но тут же вспухает новый рубеж защиты эго: минимальное *мы*: я и ты, семья...

Люди стремятся укорениться в *дурной* действительности, как животные вообще, а не одухотворяют её, не вырастая этим до *Богочеловечества* (важнейшее понятие *философии всеединства*, идеи которой развивал Соловьёв).

Со смыслом этих слов можно разбираться долго – что оставим опять же для интересующихся.

А по нашей теме хочу отметить: Соловьёв видит чувственность свойством низшей природы, существующей бесцельно; у человека же предназначение высокое.

Обратим внимание на строки из стихотворения Соловьёва «С Новым годом» (1 января 1894).

Власть ли роковая, или немощь наша
В злую страсть одела светлую любовь, –
Будем благодарны, миновала чаша,
Страсть перегорела, мы свободны вновь.

Полагаю: свободны от того *природного*, что мешает *высшему*.

Вообще же противопоставление любви *Небесной* и *Земной* древнее, оно есть у Платона (Афродита Урания и Пандемос, «небесная» и «площадная»); вторая отождествлялась с Астартой (греческое имя шумерской Иштар), отсюда *астартизм* – чувственное влечение.

И, как пишет Соловьёв, *Вечная Женственность Божия* не только объект поклонения, но может быть воплощена «в низшем существе той же женской формы, но земной природы».

И почему это существо – не Любочка Менделеева?

Хотя почему оно не другая женщина? И как постичь, в ком истинно Вечная Женственность воплощена?

Корней Чуковский (1882–1969) «Стихи о Прекрасной Даме» называет *невероятным молитвенником*, состоящим из 687 любовных гимнов одной женщине.

По изданию: Чуковский К. Современники. М.: Мол. гвардия. 1967 (ЖЗЛ)
<http://www.chukfamily.ru/Kornei/Prosa/Blok.htm>

В первой книжке Блока было 129 стихотворений; и далее он опубликовал далеко не все стихи из этого «молитвенника».

Но я не уверен, что все эти стихи – *гимны молитвенника*. Есть в них некое сомнение – и, возможно, сомнительность.

Посмотрим некоторые.

* * *

И тяжкий сон житейского сознания
Ты отряхнешь, тоскуя и любя.

Вл. Соловьев

Предчувствую Тебя. Года проходят мимо –
Всё в облике одном предчувствую Тебя.

Весь горизонт в огне – и ясен нестерпимо,
И молча жду, – *тоскуя и любя*.

Весь горизонт в огне, и близко появленье,
Но страшно мне: изменишь облик Ты,

И дерзкое возбудишь подозренье,
Сменив в конце привычные черты.

О, как паду – и горестно, и низко,
Не одолев смертельная мечта!

Как ясен горизонт! И лучезарность близко.
Но страшно мне: изменишь облик Ты.

4 июня 1901, с. Шахматово

С большой буквы *Ты* – ожидаемое Высшее Существо. Пылает заря – знак *близкого появленья лучезарности*. Но страшно: вдруг не в том облике, в каком предчувствовалось. И тогда возникнет *подозренье*... какое? В подмене? Оно *дерзкое*, ибо поэт позволил себе сомнение: Высшее ли явилось? А что тогда? И рассмотрим такой вариант: явится *истинное*, хотя не предчувствованное... Что тут страшного?

Возможно, *по жизни* тут вопрос о том, действительно ли в Любочке Менделеевой воплощено это *Ты*.

Почему при *изменении облика* и подозрениях – *паду... не одолев смертельные мечты?* Мечта о *Ней* смертельна? Думается, это слово здесь имеет значение *наваждение, морок, и мечта* – тот *изменённый облик*, который может явиться и которого страшно.

Ср. в словаре *Даля*: *Мечта* вообще всякая картина воображения и игра мысли; пустая, несбыточная выдумка; призрак, видение, мара.

Но отчего она влечёт *падение*? И в чём оно? И сказано-то о нём с каким-то чуть ли не восторгом ужаса: *О, как паду...*

И насколько вообще поэт продумывал им сказанное?

Вроде прозрачнее стихотворение, написанное Блоком за полмесяца до объяснения с Любой. И в последней его строке – решимость признать Её *Ею*.

Место действия – храм; *Ты* – Святая, Величавая Вечная Жена, Прекрасная Дама, Милая... У православных священников нет возражений против такого *образа*?

И всё же – *только образ, лишь сон о Ней...*

* * *

Вхожу я в темные храмы,
Совершаю бедный обряд.
Там жду я Прекрасной Дамы
В мерцаньи красных лампад.

В тени у высокой колонны
Дрожу от скрипа дверей.
А в лицо мне глядит, озарённый,
Только образ, лишь сон о Ней.

О, я привык к этим ризам
Величавой Вечной Жены!
Высоко бегут по карнизам
Улыбки, сказки и сны.

О, Святая, как ласковы свечи,
Как отрадны Твои черты!
Мне не слышны ни вздохи, ни речи,
Но я верю: Милая – Ты.

25 октября 1902

А вот за полгода до того – стихотворение, где действие тоже происходит в храмах. И в нём можно покопаться.

* * *

Люблю высокие соборы,
Душой смиряясь, посещать,
Входить на сумрачные хоры,
В толпе поющих исчезать.
Боюсь души моей двуликой
И осторожно хороню
Свой образ дьявольский и дикий
В сию священную броню.
В своей молитве суеверной
Ищу защиты у Христа,
Но из-под маски лицемерной
Смеются лживые уста.
И тихо, с измененным ликом,
В мерцаньи мертвенном свечей,
Бужу я память о Двуликом
В сердцах молящихся людей.
Вот – содрогнулись, смолкли хоры,
В смятеньи бросились бежать...
Люблю высокие соборы,
Душой смиряясь, посещать.

8 апреля 1902

Есть вопрос несколько *технический*. Где мог лирический герой входить на хоры в толпу поющих?

В православном храме *хоры* – как бы балкон внутри здания над западным входом или приделами. Делался он редко; его нет в соборах Московского Кремля и Петербурга. Если он был, на нём располагались певчие (*клирос*); это не *толпа*, случайные люди там не появлялись. Это соборы западноевропейские? Сам Блок их до этого не посещал. *Лирический герой*, конечно, мог приобрести такую привычку сам по себе. Но в католических соборах на хорах тоже нет *толпы поющих*; в протестантских церквях поют общиной, но не обязательно на *хорах*...

Показательно, что фактическая точность поэту не так уж важна.

Интересно, что словарь Даля слова *двуликий* не знает. В нём: **Двуличие** ср. **двуличность** ж. состояние и свойство **двуличного**, человека или предмета о двух лицах, напр. истукана Януса, или ткани, на которой лицо и изнанка равны...|| *Двоедушие, лицемерие, лукавство...

Но в культурной традиции принято называть римского бога входа и выхода, начала и конца **двуликим** Янусом.

Его очень почитали: его первым упоминали при обращении к богам; год начинается с месяца, название которого образовано от его имени.

Есть представление, что одно лицо его старое, смотрит в прошлое, другое молодое, глядит в будущее; но на древнеримских монетах лица одинаковые.

У Овидия (43 до н. э. – 17/18 н. э.) в *«Фастах»* двуликий Янус отождествляется с хаосом, из которого возник упорядоченный мир; а сам Янус стал богом, вращающим ось мира. Его двуликость – “*малый былого смещения образ*”.

В толковом словаре Т.Ф.Ефремовой даны такие значения для **двуликий**:

- 1) Имеющий два лика, лица.
- 2) перен. заключающий в себе два противоречащих начала.
- 3) перен. Лицемерный, неискренний.

Двуликий от лик; это звучит скорее высоко, чем негативно, в отличие от **двуличный**.

Хотя Даль смешивает значение этих слов; и Ефремова указывает, пусть как переносное, негативное значение слова **двуликий**.

А лирический герой Блока *бьется* своей **двуликой** души, одна сторона которой *суеверно* (напрасно веря) обращается к Христу за защитой, видимо, от *дьявольского облика* своего же, плохо скрытого под *маской лицемерной*...

Это *глумление* (есть такое восприятие этих стихов: уж как-то будто злорадно изображено смятение молящихся)? Или *драма* внутренней разорванности? Или естественное восприятие мира в его простоте?

Прочитую записи из дневника Блока – не как ответ, а вроде как информацию к постановке вопроса.

<Набросок статьи о русской поэзии>

«Стихи – это молитвы. Сначала вдохновенный поэт-апостол слагает ее в божественном экстазе. И все, чему он слагает ее, – в том кроется его настоящий бог. Дьявол уносит его – и в нем находит он опрокинутого, искалеченного, – но все милее, – бога. А если так, есть бог и во всем тем более – не в одном небе бездонном, а и в «весенней неге» и в «женской любви».

<...>...Души лучшей части человечества утончились в горниле испытаний времени и культуры... теперь... начинает рождаться новое, еще неведомое...<...> Кто рождается – бог или дьявол, – все равно; в новорожденном заложена вся глубина грядущих испытаний; ибо нет разницы – бороться с дьяволом или с богом, – они равны и подобны; как источник обоих – одно Простое Единство, так следствие обоих – высшие пределы Добра и Зла – плюс ли, минус ли – одна и та же Бесконечность».

Начало января 1902.

«Выход – в бездне. (И все выходы в ней.) Не утверждай, не отрицай. Верь и не верь. Остальное – приложится тебе. А догматизм оставь, потому что ты – маленький человек – «инфузория», «догадавшаяся о беспредельности».

22.03.1902 Закавыченное выражение из романа Достоевского «Бесы».

И тут же следом за стихотворением, где поэт заявляет: *я верю: Милая – Ты*, он пишет:

* * *

Ты свята, но я Тебе не верю,
И давно всё знаю наперед:
Будет день, и распахнутся двери,
Вереница белая пройдет.

Будут страшны, будут несказанны
Неземные маски лиц...
Буду я взывать к Тебе: «Осанна!»
Сумасшедший, распростертый ниц.

И тогда, поднявшись выше тлена,
Ты откроешь Лучезарный Лик.
И, свободный от земного плена,
Я пролью всю жизнь в последний крик.

29 октября 1902

Почему лирический герой (ЛГ) поэта *Ей не верит*? Неужели Она, *святая*-то, обманывает? Или без умысла, только тем, что она есть, может породить веру во что-то неверную? – но ЛГ не обманется, он обладает даром прозрения...

Что за *двери* и *вереница белая*? Слово *неземные* неслучайно. Силы небесные, ангелы? Праведники из Апокалипсиса (7,13–15), «*облеченные в белые одежды*»? Но почему у них *маски лиц*? Опять подмена, морок? Или они видятся такими и *страшны* для *Двуликого*, кто сам за *маской лицемерной*?

И почему «*Осанна!*» взывать будет он *сумасшедший*, притом *не веря* в существо, к которому взывает? Ведь Ты – Она же?

Осанна (ивр. – *спаси, мы молим*) у евреев торжественное молитвенное восклицание, обращённое к богу; с ним встречали Христа в Иерусалиме.

Думается, ЛГ прозревает смерть как *спасение, свободу от земного плена* надежд и обманов; явление Лучезарного Лица несёт именно её, а не *земное* счастье, в которое он не верит.

В любом случае тон стихотворения не убеждает, что его лирический герой *отрадно* уверен в обретённом.

Стихи о Прекрасной Даме кончились после объяснения поэта с Любой. Уже на следующий день (8.11) написано стихотворение, открывающее новый цикл, «*Распутья*»:

«Я их хранил в приделе Иоанна».

И вот – Она, и к Ней – моя Осанна –
Венец трудов – превыше всех наград.
<...>

Она дала мне Царственный Ответ.

Любопытно, как *знакомые* Блока реагировали на весть о его женитьбе.

Об этом сообщает, например, Владимир Орлов (1908–1985) в книге «*Гамаюн*» (Л. Сов. писатель, 1980, с. 145 (гл. 4, «Дебют»):

«Гиппиус со своими присными очень «не сочувствовала» женитьбе Блока. Из-за этого она чуть было не поссорила его с Андреем Белым. «Он был очень удручен вашей женитьбой и все говорил: „Как же мне теперь относиться к его стихам?“ – писала Гиппиус Блоку. – Действительно, к вам, т.е. к стихам вашим, женитьба крайне нейдет, и мы все этой дисгармонией очень огорчены».

Блока непрошеное вмешательство в его личную жизнь глубоко возмутило. <...> «Господа мистики, „огорченные дисгармонией“ (каково!?), очевидно, совершенно застряли в непоколебимых математических вычислениях. Я в *первый раз* увидел настоящее *дно* этого тихого омута».

Любовь Дмитриевна оставила воспоминания:

«Были и небылицы», 1929 (http://az.lib.ru/b/blok_a_a/text_02401.shtml)

Она пишет, что весной 1901 г. решила порвать отношения с Блоком (видимо, надоело ждать от него предложения) и приговорила ему письмо – но отдать его не решилась. В нём было:

«Я не могу больше оставаться с Вами в тех же дружеских отношениях.<...> Вы меня не понимаете. Ведь Вы смотрите на меня как на какую-то отвлеченную идею...<...>

Я живой человек и хочу им быть, хотя бы со всеми недостатками; когда же на меня смотрят как на какую-то отвлеченность, хотя бы и идеальнейшую, мне это невыносимо, оскорбительно, чуждо... ..Вы от жизни тянули меня на какие-то высоты, где мне холодно, страшно и... скучно!»

Но когда Блок предложение сделал, Люба его приняла.

«...Блок вынул из кармана сложенный листок, отдал мне, говоря, что если бы не мой ответ, утром его уже не было бы в живых». Это была записка на случай самоубийства.

Через 9 месяцев началась их семейная жизнь.

«Я до идиотизма ничего не понимала в любовных делах. Тем более не могла я разобраться в сложной и не вполне простой любовной психологии такого не обыденного мужа, как Саша.

Он сейчас же принялся теоретизировать о том, что нам и не надо физической близости, что это "астартизм", "темное" и Бог знает еще что. Когда я ему говорила о том, что я-то люблю весь этот еще неведомый мне мир, что я хочу его – опять теории: такие отношения не могут быть длительны, все равно он неизбежно уйдет от меня к другим. А я? "И ты так же". Это приводило меня в отчаяние! Отвергнута, не будучи еще женой...

Молодость все же бросала иногда друг к другу живших рядом. В один из таких вечеров, неожиданно для Саши и со "злым умыслом" моим произошло то, что должно было произойти – это уже осенью 1904 года. С тех пор установились редкие, краткие, по-мужски эгоистические встречи. <...> К весне 1906 года и это немного прекратилось. <...>

Той весной... я была брошена на произвол всякого, кто стал бы за мной упорно ухаживать. <...> Боря же кружил мне голову, как самый опытный Дон Жуан, хотя таким никогда и не был».

Но Борис Бугаев (он же поэт-символист Андрей Белый, друг-соперник Блока), не добился благосклонности Прекрасной Дамы. Возможно, его чувство во многом – самолюбие.

Удачливей потом стали другие.

Вот *самый*, с которым она сблизилась, став актрисой в труппе Мейерхольда, которую тот набрал для гастролей на Кавказе:

Константин Давидовский, псевдоним в то время – *Дагоберт* (1882–1939) – актёр, заслуженный артист РСФСР (1933).

«В нем и во мне бурлила молодая кровь, оказавшаяся так созвучной на заветных путях. <...>

И начался пожар, такое полное согласие всех ощущений, экстаз почти до обморока... мы ничего не знали и не помнили и лишь с трудом возвращались к миру реальности. <...>

Неужели бывает это счастье? Я его не знала. <...>

Я благодарна Вам и сейчас, на старости лет, паж Дагоберт... пусть и разошлись мы так скоро и так трагично для меня. <...>

В безумную мою весну 1908 года я ни о чем не думала... Вернулась в мае беременной, в предельном, беспомощном отчаянии. Твердо решила устранить беременность...<...>

Я бросилась к докторам... Они читали мне нотацию и выпроваживали. <...> Саша – тоже что-то вроде нотации: пошлость, гадость, пусть будет ребенок, раз у нас нет, он будет наш общий. И я спасовала, я смирилась. <...>

Томительные месяцы ожидания. <...>

Каким-то поверхностным покорством готовилась к встрече ребенка, готовила все, как всякая настоящая мать. Даже душу как-то приспособила. <...> Саша очень пил в эту зиму и совершенно не считался с моим состоянием. <...>

Четверо суток длилась пытка. Хлороформ, щипцы, температура сорок, почти никакой надежды, что бедный мальчик выживет. <...> Я... думала: "Если это смерть, как она проста..." Но умер сын, а я нет».

Сын Дмитрий, родившийся в начале февраля 1909, прожил 8 дней.

Потом было ещё много чего – а написано об этом ещё больше. И оставались они вместе до конца жизни Блока.

Приведу только слова, как бы итожащие её воспоминания.

«У нас с ним была общей основной черта наших организаций, которая сделала возможной и неизбежной нашу совместную жизнь, несмотря на разницу характеров, времяпрепровождения и внешних вкусов.

Мы оба сами создавали свою жизнь... имели силы не поддаваться "бытию"; а за ним тем более "быту" – но это мелкая черточка по сравнению с нашей внутренней свободой...»

Прочие Дамы и стихи о них

«К весне 1906 года и это немного прекратилось».
Именно в это время Блок пишет своё очень известное:

Незнакомка

По вечерам над ресторанами
Горячий воздух дик и глух,
И правит окриками пьяными
Весенний и тлетворный дух.

Вдали, над пылью переулочной,
Над скукой загородных дач,
Чуть золотится крендель булочной,
И раздаётся детский плач.

И каждый вечер, за шлагбаумами,
Заламывая котелки,
Среди канав гуляют с дамами
Испытанные остряки.

Над озером скрипят уключины
И раздаётся женский визг,
А в небе, ко всему приученный,
Бессмысленно кривится диск.

И каждый вечер друг единственный
В моем стакане отражен
И влагой терпкой и таинственной,
Как я, смирен и оглушен.

А рядом у соседних столиков
Лакеи сонные торчат,
И пьяницы с глазами кроликов
«In vino veritas!» кричат.

И каждый вечер, в час назначенный
(Иль это только снится мне?),
Девичий стан, шелками схваченный,
В туманном движется окне.

И медленно, пройдя меж пьяными,
Всегда без спутников, одна,
Дыша духами и туманами,
Она садится у окна.

И веют древними поверьями
Ее упругие шелка,
И шляпа с траурными перьями,
И в кольцах узкая рука.

И странной близостью закованный,
Смотрю за темную вуаль,
И вижу берег очарованный
И очарованную даль.

Глухие тайны мне поручены,
Мне чье-то солнце вручено,
И все души моей излучины
Пронзило терпкое вино.

И перья страуса склоненные
В моем качаются мозгу,
И очи синие бездонные
Цветут на дальнем берегу.

В моей душе лежит сокровище,
И ключ поручен только мне!
Ты право, пьяное чудовище!
Я знаю: истина в вине.

(24 апреля 1906, Озерки)

Озерки (к северу от Петербурга) – излюбленное место отдыха жителей столицы в начале XX в.

Здесь были дачи, железнодорожная станция, музыкальный вокзал, кинотеатр, рестораны, казино, сады, катание на лодках и яхтах, купание...

Это же место показано в стихотворении «Над озером», написанном Блоком через год.

**Иллюстрация И. Глазунова
к стихотворению А. Блока**

Анализируя это стихотворение, обычно говорят о противопоставлении в нём пошлости окружающего мира и поэтичности явления Незнакомки, о трагизме восприятия поэтом «страшного мира» обыденности... Я тут вижу скорее раздражённую ироничность отображения её.

Ср. с образами в стихотворении «Над озером».

Незнакомка здесь инородна. Кто она?

Каждый вечер в одно и то же время она является *одна в злачное место*... Зачем? Сюда идут выпить и закутить... И не боится *приставаний*. А может, ради них и приходит?

Есть утверждение, что после появления этого стихотворения многие уличные женщины клиентам называли себя Незнакомками.

Но лирический герой этими вопросами не задаётся. И он вообще допускает, что это морок, *это только снится* его хмельной душе – но это *тайная истина*, которая лишь в таком состоянии и видна. Ибо оно как бы способ выйти за пределы *нормальности* и увидеть *очарованную даль*.

Кстати, кого он назвал «пьяным чудовищем»? Одного из *пьяниц*? *Тянет* ли на такое обозначение какой-либо чиновник, пусть даже на в меру разнузданном отдыхе? Или *чудовище* есть как бы дух этого мира? Можно вспомнить и о том, что чудовища охраняют сокровища...

А в конце того же года Блок пишет лирическую драму «*Незнакомка*», где развивает тему этого стихотворения.

В предисловии к сборнику «Лирические драмы» (1908 г.; написано в августе 1907 г.) Блок называет Незнакомку – героиню пьесы «*воплощением образа Вечной Женственности*».

В драме Поэт, «*прозевавший свою мечту*», говорит:

«...Единственно прекрасный лик Незнакомки, под густою, тёмною вуалью... Вот качаются перья на шляпе... Вот узкая рука, стянутая перчаткой, держит шелестящее платье... Вот медленно проходит она...»

Почему бы Вечной Женственности не воплотиться и в Незнакомке?

Но некоторые вопросы о её природе возникают, если обратиться к статье Блока 1910 года.

Я вкратце её процитирую: она немало даёт для пони-мания Блока как *истинного мистика* – и до этой статьи, и после неё; собственно, до конца жизни поэта.

«О современном состоянии русского символизма»

Март-апрель 1910

«...Символист уже изначала – *теург*, то есть обладатель тайного знания, за которым стоит тайное действие...

В лазури Чьего-то лучезарного взора пребывает теург; этот взор, как меч, пронзает все миры...<...>

Теург (греч. theurgos, от слова Theos – бог и ergon – дело): духовидец, заклинатель духов, чудотворец. (Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. – Чудинов А. Н., 1910)

Золотой меч, пронизывающий пурпур лиловых миров, разгораётся ослепительно – и пронзает сердце теурга. Уже начинает сквозить лицо среди небесных роз; различается голос...<...>

Тогда, уже ясно предчувствуя изменение облика... теург отвечает на призывы...<...>...*Имя почти угадано.*<...> Это – самый сложный момент...<...>

Как бы ревнуя одинокого теурга к Заревой ясности, некто внезапно пересекает золотую нить зацветающих чудес; лезвие лучезарного меча меркнет и перестает чувствоваться в сердце. Миры, которые были пронизаны его золотым светом, теряют пурпурный оттенок... врывается сине-лиловый мировой сумрак...
...В лиловом сумраке необъятного мира качается огромный белый катафалк, а на нем лежит мертвая кукла с лицом, смутно напоминающим то, которое сквозило среди небесных роз.<...>

Переживающий все это... полон многих демонов (иначе называемых "*двойниками*")...<...>

Демоны (др.-греч. δαίμων, «божество») – духи, занимающие промежуточное состояние между людьми и богами. Могли творить как зло, так и добро.

...Он умеет сделать своим орудием каждого из демонов... все они рыщут в лиловых мирах и, покорные его воле, добывают ему лучшие драгоценности... Все это бросает господин их в горнило своего *художественного творчества* ...<...>

Жизнь стала искусством, я произвел заклинания, и передо мною возникло наконец то, что я... называю "*Незнакомкой*": красавица кукла, синий призрак, земное чудо.<...>

Незнакомка. Это вовсе не просто дама в черном платье со страусовыми перьями на шляпе. Это – дьявольский сплав из многих миров, преимущественно синего и лилового. <...>

Я стою перед созданием своего искусства и не знаю, что делать. Иначе говоря, что мне делать с этими мирами, что мне делать и с собственной жизнью, которая отныне стала искусством, ибо со мной рядом *живет* мое создание – не живое, не мертвое, синий призрак. <...>

Ценность этих исканий состоит в том, что они-то и обнаруживают с очевидностью *объективность и реальность* "тех миров"... Так, например, в период этих исканий оценивается по существу *русская революция*... революция совершалась не только в этом, но и в иных мирах...<...>

Реальность, описанная мною, – единственная, которая для меня дает смысл жизни, миру и искусству. Либо существуют те миры, либо нет.<...>

...Стихи мои суть только подробное и последовательное описание того, о чем я говорю в этой статье...».

Краткое изложение статьи, конечно, обрезает её смысл. Читайте оригинал и адекватно понимайте. Но пару слов.

Для Блока символизм – не «*литературное течение*». Из реальности «тех миров» он старается исходить в своей жизни, интимной также; и, как заявляет поэт, в его стихах отражены отношения с этими мирами его как *теурга*.

И эти отношения весьма драматические.

Произошло *изменение облика* искомого – а ведь *Имя* было почти *угадано*, но *некто* помешал как бы из *ревности* к *Заревой ясности*... Кто и почему ревнует к ней *теурга*?

И: воплощена ли в Незнакомке *Вечная Женственность*? Или что-то от неё есть – но не вполне и неясно что?

За 9 лет до статьи было написано: «*Но страшно мне: изменишь облик Ты*». Вера поэта в «те миры» неизменна – как и сомнения в результате действий *теурга*.

Отметим символику цвета. *Золото* лучезарного меча и *пурпур* небесных роз – это явно истинное. *Синий* призрак – видимо, подменённое. *Лиловый* сумрак – та субстанция, в которой приходится искать; а находится вроде *не то*.

Революция совершалась не только в этом, но и в иных мирах – это относится не только к прошедшей, но и, в случае Блока, к будущей революции. Об этом я ещё буду говорить.

Но вернёмся к Дамам.

В декабре 1906 г. Блок знакомится с актрисой Натальей Николаевной Волоховой (1878–1966).

К ней обращены циклы *«Снежная маска»* (29.12.1906 –13.01.1907) и *«Фаина»* (дек.1906 – 20.11.1908)

фотография 1907

фотография Н. Н. Волоховой

Быстроту написания *«Снежной маски»* (30 текстов за полмесяца; 6 датированы третьим января) могут считать свидетельством силы чувства, охватившего Блока.

«...В январе 1918-го года я в последний раз отдался стихии не менее слепо, чем в январе девятьсот седьмого или в марте девятьсот четырнадцатого».

А. Блок, из «Записки о «Двенадцати», 1.04.1918.

Отметим эти три точки: две любви и революция

В январе 1907 г. первый раз *отдался стихии*. Но какой? В самом названии – холод и личина вместо лица.

После постановки пьесы Блока «Балаганчик» причастные к ней собрались 30 декабря 1906 г. на бале-маскараде; там Блок познакомился ближе с Натальей Волоховой.

Зима, костюмы, маски... мотив где-то отсюда..

Актриса отрицала, что у неё был интим с Блоком.

А у него есть строка в стихотворении «И я провел безумный год...»:
О ночь мучительного брака!..

Этот цикл – предмет для отдельного разговора.

Но что видно сразу: нет чувственной радости любви. *Снежность* есть – а с нежностью сложнее. И в нескольких стихотворениях тема ухода из жизни как вариант судьбы.

Образ героини условен; нечто *тёмное и змеиное*.

Она – как это часто бывает в любовной лирике – скорее повод для чувства героя; ибо есть потребность в *объекте* его вместо прежнего: неужели *настоящего* не будет?

«*Душа ждала... кого-нибудь*» (Пушкин, «Евгений Онегин», глава 3-я, VII)

Видно ли в ней «*воплощение образа Вечной Женственности*»?

Можно обратить внимание на строки из стихотворения «Тревога» (4.01.1907):

Сердце, слышишь
Лёгкий шаг
За собой?

Сердце, видишь:
Кто-то подал знак,
Тайный знак рукой?

Ты ли? Ты ли?
Вьюги плыли,
Лунный серп застыл...

Ты ль нисходишь?
Ты ль уводишь, –
Ты, кого я любил?

Ты ли? напоминает те же былые сомнения...

Цикл «**Фаина**» (31 текст) разнообразнее и мне интереснее.
Имя *Фаина* греческое; значит *сияющая, блестящая*

Как здесь с «*воплощением образа Вечной Женственности*»?

Туманный намёк на причастность героини к *иному* – в стихотворении «*Ушла. Но гиацинты ждали...*» (31.03.1907):

И, миру дольнему подвластна,
Меж всех – не знаешь ты одна,
Каким раденьям ты причастна,
Какою верой крещена.

Дольний (перен., от *дол*) – земной, человеческий, «нижний»;
противоположное *горний* – небесный, «высший»

В известных стихотворениях этого цикла его *лирическая героиня* лишь чуть проглядывает – *лирический герой* говорит и ей о себе, о своём *неоднозначном* отношении к жизни.

Например:

«*О весна без конца и без краю...*» 24.10.1907
«*Всю жизнь ждала. Устала ждать...*» 13.01.1908

В жизни *мученья* и *гибель*, но в ней и *весна*, *мечта без конца и без краю*; *герой* принимает жизнь в её полноте.

Хотя в другом стихотворении: *мир невелик и небогат...*
А о *мечте* сказано как-то иронически.

В первом стихотворении *герой* исполнен некой стихийной силы и тайны, под стать масштабу жизни:

И встречаю тебя у порога –
С буйным ветром в змеиных кудрях,
С неразгаданным именем бога
На холодных и сжатых губах...

Во втором он – *приниженный и злой...*

А голос *героини* звучит лишь два раза.

Вначале это Н. Н. В., воплощение некой загадочной силы.
«*Я в дольний мир вошла, как в ложу...*» 1.01.1907

О победительности своей говорит звезда *мечтаний нежных с крылатыми глазами*, для которой мир – театр...
Актриса Н. Н. Волохова, которой посвящены эти стихи, прочитать их со сцены так и простеснялась.

И ближе к концу цикла –
Песня Фаины

Когда гляжу в глаза твои
Глазами узкими змеи
И руку жму, любя,

Эй, берегись! Я вся – змея!
Смотри: я миг была твоя,
И бросила тебя!

Ты мне постыл! Иди же прочь!
С другим я буду эту ночь!
Ищи свою жену!

Ступай, она разгонит грусть,
Ласкает пусть, целует пусть,
Ступай – бичом хлестну!

Попробуй кто, приди в мой сад,
Взгляни в мой черный, узкий взгляд,
Сгоришь в моем саду!

Я вся – весна! Я вся – в огне!
Не подходи и ты ко мне,
Кого люблю и жду!

Кто стар и сед и в цвете лет,
Кто больше звонких даст монет,
Приди на звонкий клич!

Над красотой, над сединой,
Над вашей глупой головой –
Свисти, мой тонкий бич!

декабрь 1907

Лирическая героиня непредсказуемая, страстная, жёсткая, насмешливо готовая продаться – романтическая, в общем. Женская насмешка над мужским влечением вообще смотрит-ся чем-то *выше* последнего, хотя отнюдь его не *умнее*.

Но видно ли тут *мистическое*?

Этот поэтический текст озвучивает в *драматическом прологе «Песня судьбы»* его героиня *Фаина*.

Пьеса создана в 1908 году; при жизни Блока поставлена не была. В дневнике под 1.12.1912 он записал, что *мечтал о Волоховой* как исполнительнице роли Фаины в ней.

В пьесе о певице Фаине говорит человек в очках:

«Она принесла нам часть народной души.<...> Мы, писатели, живем интеллигентской жизнью, а Россия, неизменная в самом существе своем, смеется нам в лицо. Эти миллионы окутаны ночью; еще молчат их дремлющие силы, но они уже презируют и ненавидят нас.

Они придут и, знаю, принесут неведомые нам строительные начала. Останется ли тогда какой-нибудь след от нас? Не знаю.»

[Четвёртая картина]

Героя пьесы *Германа* считают как бы *alter ego* автора. Он кричит о том, что перекликается с обстоятельствами личной жизни Блока и циклом его стихов «На поле Куликовом».

«Я верен! Я верен! Никто не смеет заикнуться об измене! Вы ничего не понимаете!<...> Я ушел не во имя свое! Меня позвал ветер, он спел мне песню, я в страшной тревоге, как перед подвигом!<...>

Считайте меня за сумасшедшего, если хотите. Да, может быть, я — у порога безумия... или прозрения! <...> Помню страшный день Куликовской битвы. <...> Когда первые пали мертвыми чернец и татарин, рати сшиблись, и весь день дрались, резались, грызлись... А свежее войско весь день должно было сидеть в засаде, только смотреть, и плакать, и рваться в битву...<...>... А я — здесь, как воин в засаде, не смею биться, не знаю, что делать, не должен, не настал мой час!» — Вот зачем я не сплю ночей: я жду всем сердцем того, кто придет и скажет: "Пробил твой час! Пора!"»

Потом идёт Фаина и зовёт:

«Приди ко мне! <...> Князь! Друг! Жених!»

«Весь мировой оркестр подхватывает страстные призывы Фаины. <...> В то же мгновение на горизонте, брызнув над лиловой полосой дальних туч, выкатывается узкий край красного солнечного диска, и вспыхивает все золото лесов, все серебро речных излучин, все окна дальних деревень и все кресты на храмах».

[Пятая картина]

Обратим внимание на цвета: *лиловые* тучи («лиловый сумрак»), *красное* солнце и *золото, серебро*.

И заметим *мировой оркестр*: это не просто фигура речи. Об этом буду говорить в связи с поэмой «Двенадцать».

Слова *Германа* перекликаются со стихами возникшего в это же время цикла «На поле Куликовом» (06.12.1908), герой которого встаёт в ряды защитников Руси в многовековой (*вечной*) битве. О нём я ещё немного скажу чуть далее.

Вернёмся к циклу «Фауна». В нём есть и отклики на ситуации текущей жизни, притом данные верлибром.

Верлибр (фр. *vers libre*), **свободный стих** – не имеющий рифмы, определённой метрической организации, регулярной строфики; но текст написан *стихами*, т. е. отдельными стихотворными строками. *Насколько это стихи* – вопрос сложный, спорный; главное, видимо – интонационная, смысловая оправданность разбивки на строки.

* * *

Когда вы стоите на моем пути,
Такая живая, такая красивая,
Но такая измученная,
Говорите всё о печальном,
Думаете о смерти,
Никого не любите
И презираете свою красоту -
Что же? Разве я обижу вас?

О, нет! Ведь я не насильник,
Не обманщик и не гордец,
Хотя много знаю,
Слишком много думаю с детства
И слишком занят собой.
Ведь я - сочинитель,
Человек, называющий всё по имени,
Отнимающий аромат у живого цветка.

Сколько ни говорите о печальном,
Сколько ни размышляйте о концах и началах,
Всё же, я смею думать,
Что вам только пятнадцать лет.
И потому я хотел бы,
Чтобы вы влюбились в простого человека,
Который любит землю и небо
Больше, чем рифмованные и нерифмованные
Речи о земле и о небе.

Право, я буду рад за вас,
Так как – только влюбленный
Имеет право на звание человека .

6 февраля 1908

* * *

Она пришла с мороза,
Раскрасневшаяся,
Наполнила комнату
Ароматом воздуха и духов,
Звонким голосом
И совсем неуважительной к занятиям
Болтовней.

Она немедленно уронила на пол
Толстый том художественного журнала,
И сейчас же стало казаться,
Что в моей большой комнате
Очень мало места.

Всё это было немножко досадно
И довольно нелепо.
Впрочем, она захотела,
Чтобы я читал ей вслух «Макбета».

Едва дойдя до *пузырей земли*,
О которых я не могу говорить без волнения,
Я заметил, что она тоже волнуется
И внимательно смотрит в окно.

Оказалось, что большой пестрый кот
С трудом лепится по краю крыши,
Подстерегая целующихся голубей.

Я рассердился больше всего на то,
Что целовались не мы, а голуби,
И что прошли времена Паоло и Франчески.

6 февраля 1908

Франческа и Паоло — герои одного из самых известных эпизодов
«Божественной комедии» Данте; любовники, убитые мужем Франчески
(и братом Паоло) Джованни. Перед этим целовались за чтением книги.

Интересно о этих стихах
(<http://www.utoronto.ca/tsq/24/arvomets24.shtml>):

Арво Метс **Размышляя о верлибре**. Два стихотворения А. Блока

Стихотворения датированы одним днём и посвящены двум разным женщинам (Лизе Пиленко и Наталье Волоховой).

В 1936 году в Париже монахиня *Мария* опубликовала свои воспоминания «Встречи с Блоком» («Современные записки» № 62).

См. mere-marie.com/creation/ocherk-vstrechi-s-blokom/

Она пишет, что после первой встречи с поэтом получила от него письмо со стихами «*Когда вы стоите на моем пути...*».

Тогда ей, Лизе Пиленко, было 16 лет (родилась в декабре 1891). Через год она закончила гимназию, ещё через год вышла замуж. За человека, увлечённого *рифмованными и нерифмованными речами*: Дмитрия Владимировича Кузьмина-Караваева (1886–1959), юриста, знакомого многих литераторов (в юности он примкнул к РСДРП, был арестован; с 1920 католик; в 1922 выслан из России; в эмиграции священник, доктор богословия).

Вместе с мужем была вхожа в «Цех поэтов», общалась с известными поэтами-акмеистами. Она вспоминает:

«Мы жили среди огромной страны, словно на необитаемом острове. Россия не знала грамоту, – в нашей среде сосредоточилась вся мировая культура. Цитировали наизусть греков, увлекались французскими символистами... знали философию и богословие, поэзию и историю всего мира. В этом смысле Мы были гражданами вселенной, хранителями культурного великого музея человечества. Это был Рим времён упадка!»

Вспоминает, как Блок сказал о стихах Ахматовой: «*Она пишет стихи как бы перед мужчиной, а надо писать как бы перед Богом*».

Её знакомство с Блоком продолжалось – но в ней поэт *ТУ* не видел. Вот её представление о нём близко к мистическому:

«Перед гибелью, перед смертью Россия сосредоточила на Вас все свои самые страшные лучи. И Вы за НЕЁ, во имя ЕЁ, как бы образом ЕЁ сгораете».

(Из воспоминаний «Встречи с Блоком»).

В 1913 г. оставила мужа и родила дочь Гаяну (ум. в 1936).

В революцию стала эсеркой; потом городской головой Анапы, комиссаром по здравоохранению и народному образованию; арестовывалась денкинцами; бежала от красных с новым мужем Даниилом Ермолаевичем Скобцовым (1884–1969) в Тифлис, где родила ему сына Юрия (в 1920), потом в Константинополь, далее в Сербию, где родила дочь Настю (1922–1926), и в 1924 г. в Париж.

После смерти младшей дочки ушла в христианство. Получила богословское образование; в 1932 г. постриглась с именем Мария.

Несла монашеское служение в миру, посвятив себя благотворительной и проповеднической деятельности.

Издала несколько книг (стихи, повести), публиковала богословские работы и социальные статьи, выступала с докладами.

**Елизавета Юрьевна Пиленко
(Кузьмина-Караваева, Скобцова;
в монашестве – мать Мария)**

Во время Второй мировой войны участвует в *Сопротивлении*. Ею спасено немало евреев.

08.02.1943 арестован гестапо её сын Юра, на другой день она.

Сын погиб в концлагере Дора 06.02.1944 .

Мать Мария казнена 31.03.1945 в газовой камере лагеря Равенсбрюк, за неделю до его освобождения Красной Армией.

16.01.2004 Священный Синод Константинопольского Патриархата принял решение о её канонизации

как *преподобно-мученицы Марии Парижской*.

Руководство РПЦ осталось этим решением недовольно: она была чересчур социально активна для святой, очень не уважала церковное руководство и курила.

См., напр., публикацию в журнале «*Благодатный огонь*» № 12 (2004 г.)

Такая неординарная женщина встретила в жизни Блоку.

А конец отношений с *Фаиной* зафиксирован в завершающем соответствующий цикл стихотворении

«Своими горькими слезами...»

Когда один с самим собою
Я проклиная каждый день, –
Теперь проходит предо мною
Твоя развенчанная тень...

С благоволеньем? Иль с укором?
Иль ненавидя, мстя, скорбя?
Иль хочешь быть мне приговором? –
Не знаю: я забыл тебя.

20.11.1908

Развенчанная... Нет на ней венца *Вечной Женственности*, видимо. Будет ли Блок ещё на кого-нибудь его примерять?

Верлибры в этом цикле своей как бы *прозойностью* вроде дают возможность предположить, что навряд. Здесь реалистичное видение *дам*, разговорная (и чуть ироничная) интонация; она не ведёт к *бытовизму*, стихи – о важном в жизни; однако *ничего мистического* в них нет.

Но через два года в статье «*О современном состоянии русского символизма*» Блок пишет, что для него наличие *тех миров «даёт смысл жизни, миру и искусству»...*

Самым концом 1908 г. датировано стихотворение, включаемое в список обязательных для изучения в школе.

* * *

О доблестях, о подвигах, о славе
Я забывал на горестной земле,
Когда твое лицо в простой оправе
Передо мной сияло на столе.

Но час настал, и ты ушла из дому.
Я бросил в ночь заветное кольцо.
Ты отдала свою судьбу другому,
И я забыл прекрасное лицо.

Летели дни, крутятся проклятым роєм...
Вино и страсть терзали жизнь мою...
И вспомнил я тебя пред аналоем,
И звал тебя, как молодость свою...

Я звал тебя, но ты не оглянулась,
Я слезы лил, но ты не снизошла.
Ты в синий плащ печально завернулась,
В сырую ночь ты из дому ушла.

Не знаю, где приют своей гордыне
Ты, милая, ты, нежная, нашла...
Я крепко сплю, мне снится плащ твой синий,
В котором ты в сырую ночь ушла...

Уж не мечтать о нежности, о славе,
Все миновалось, молодость прошла!
Твое лицо в его простой оправе
Своей рукой убрал я со стола.

30. 12. 1908 (Начинает цикл «Возмездие», 1908–1913)

Что, по-моему, примечательно в этом стихотворении.

1. Оно не символистское.

Разве что может встать вопрос: синий плащ – есть тут символика цвета (синий – что-то неистинное) или просто тонирование под ночь и эмоции?

2. Оно не соответствует обстоятельствам жизни поэта:

Люба вернулась к нему беременной ещё в августе 1908 г. (а в феврале 1909 г. родился и умер её ребёнок).

3. «*О доблестях, о подвигах, о славе / Я забывал...*» Тут отрицание стандартных ценностей (ср. мечты Андрея Болконского) ради любви к Ней? Но в конце как будто сожаление о зря потраченном времени жизни на отношения, не давшие желанного («*Всё миновалась, молодость прошла*»)...

4. Возможно, то, что в стихотворении героиня не вернулась, а образ её зримый убран, означает и здесь развенчание? Ушла не Люба Менделеева, а мечта о Ней?

Вот лет через пять увидим, что вроде и она не ушла.

В начале 1914 г. появилась **Кармен**

Л. А. Андреева-Дельмас как Кармен

фотография Блока 1916

Любовь Александровна **Андреева-Дельмас** (1884–1969).
В 1913–1919 была солисткой петроградского Театра музыкальной драмы; самая известная её роль – Кармен в одноименной опере *Жоржа Бизе* (1838–1875; опера 1875 г. по новелле П. Мериме).

Письмо Блока к Л. А. Дельмас. 14 февраля 1914. <Петербург>
«Я смотрю на Вас в "Кармен" третий раз, и волнение мое растет с каждым разом...<...> Я думаю, что мог бы с Вами познакомиться, думаю... что Вы знаете, может быть, мое имя. Я – не мальчик, я знаю эту адскую музыку влюбленности, от которой стон стоит во всем существе и которой нет никакого исхода. Думаю, что Вы очень знаете это, раз Вы *так* знаете Кармен...»

Напомню: потом Блок писал, что он в марте девятьсот четырнадцатого *«отдался стихии не менее слепо, чем в январе девятьсот седьмого»*...

4 марта было написано: *"Как океан меняет цвет..."*

А вскоре за полмесяца выпилось ещё 9 стихотворений, составивших вместе с первым цикл *«Кармен»*.

Последнее, в последний день этого мокрого марта:

* * *

Нет, никогда моей, и ты ничьей не будешь.
Так вот что так влекло сквозь бездну грустных лет,
Сквозь бездну дней пустых, чье бремя не избудешь.
Вот почему я – твой поклонник и поэт!

Здесь – страшная печать отверженности женской
За прелесть дивную – постичь ее нет сил.
Там – дикий сплав миров, где часть души вселенской
Рыдает, исходя гармонией светил.

Вот – мой восторг, мой страх в тот вечер в темном зале!
Вот, бедная, зачем тревожусь за тебя!
Вот чьи глаза меня так странно провожали,
Еще не угадав, не зная... не любя!

Сама себе закон – летишь, летишь ты мимо,
К созвездиям иным, не ведая орбит,
И этот мир тебе – лишь красный облак дыма,
Где что-то жжет, поет, тревожит и горит!

И в зареве его – твоя безумна младость...
Всё – музыка и свет: нет счастья, нет измен...
Мелодией одной звучат печаль и радость...
Но я люблю тебя: я сам такой, Кармен.

Она *ничья* в этом мире – *здесь*, неподвластна ему, ибо есть явленная в нём из *дикого сплава миров там часть души вселенской...* Вот и встретил то, что влекло надеждой сквозь пустое время жизни! Она тоже живёт не расхожими представлениями о счастье и печали; всё – насыщение жизни чувствами, *музыкой*, даёт ей полноту вкуса...

Владимир Орлов пишет («*Гамаюн*», *Музыка и свет*, 2):

«Посылая эти стихи Л. А. Дельмас, Блок заговорил о причастности ее к тайным силам: "Вам этого никто про Вас не говорил, и Вы этого про себя, ни про меня – не узнаете и не поймете, верно, но это – так, клянусь Вам и в этом"».

В конце марта их свидание случилось.

А вскоре (2 апреля) Блок пишет ей:

«*Счастья в этом* для меня не было никогда, было только мучение и скука, разве – короткие часы, зато, когда они проходили, было тяжело».

Надеется ли, что в этот раз будет иначе?

В сознании поэта с ней связано очень важное.

В письме Дельмас (20.06.1914) Блок рассказывает о том, как он её полюбил, и пытается понять почему.

«Сначала – *буря музыки и влекущая колдунья...<...>* Из *бури музыки* – тишина, – нет – не тишина; *старинная женственность*, – да, и она, но за ней – еще: *какая-то глубина верности*, лежащая в Вас... Земля, природа, чистота, *ЖИЗНЬ, ПРАВДИВОЕ* лицо жизни... *ВОЗМОЖНОСТЬ СЧАСТЬЯ*, что ли? Словом, что-то забытое людьми, и не мной одним, но всеми христианами, которые превыше всего ставят крестную муку; такое что-то простое, чего нельзя объяснить и разложить».

Но вскоре (даже параллельно) происходит охлаждение. Блок *программирует* себя на утрату любви.

Он пишет Дельмас (6.05.1914):

«...Вы – та жемчужная раковина, полная жемчугов, которая находится в бездне моря... ..Тяжесть в том, что мне, может быть, суждено только находить, а потом я, как рыбак, не умею ничего сделать с тем, что нашел, и могу потерять в том самом море, где она мне засияла,... ..Потому что искусство там, где ущерб, потеря, страдание, холод.<...> Таков седой опыт художников всех времен, я – ничтожное звено длинной цепи этих отверженных...»

Владимир Орлов, довольно подробно рассказавший о связи поэта и Кармен, пишет («*Гамаюн*», *Музыка и свет*, 3):

«На склоне лет Л. А. Дельмас простодушно рассказывала: "Он говорил, что художник и не может быть счастлив... Я с этим никак не соглашалась, я любила все солнечное, светлое"».

Она привязалась к нему. Его попыткам порвать отношения она активно противилась. Он временно *прогибался*, вяло длил их – но для любящей женщины это обидно.

Блок пишет ей в августе 1915:

«Разойтись все труднее, а разойтись надо... Моя жизнь и моя душа надорваны; и все это – только искры в пепле. Меня *настоящего*, во весь рост, Вы никогда не видели. Поздно».

Были редкие встречи. В качестве «старого знакомства» их отношения тянулись до конца жизни поэта.

По моему разумению, Блоку *любовь-благоустройство* в жизни была не нужна, *страсти* мешал примат *идеи* над чувственностью, и он слишком привык к самодостаточности эмоциональной, чтобы уметь *зреться душой* от женщины.

Трудно представить, кого Блок мог бы и правда *любить*. Напомню, по его мнению, в этом он – «*звено длинной цепи*» «художников всех времен». Звучит где-то *красиво*.

Но, видно, иногда нужна *попытка подпитки чувством*.

В 1919–1922 Андреева-Дельмас была солисткой петроградского Театра музыкальной драмы. В 1923 гастролировала по городам Сибири; и в последующие годы часто принимала участие в гастрольных концертах.

Начиная с 1933 занималась педагогической деятельностью.

В годы Великой Отечественной принимала участие в организации концертов для солдат. В 1944 была награждена медалями «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны» (за непрерывные занятия со студентами во время блокады Ленинграда).

Вернёмся в 1908 год – во многом ключевой для поэта. Тогда он будто нашёл ещё важнейшую основу жизни.

В январе того года Блок писал матери:

«Чем холоднее и злее эта неудающаяся "личная" жизнь (но ведь она никому не удастся теперь), тем глубже и шире мои идейные планы и намеренья. У меня их столько, что руки иногда опускаются – столько надо сделать...»

Он и приступил к *делу*.

«Тема о России»

Уже в стихотворении «Фабрика» (1903 г.; в 1904 запрещено цензурой) социальная жизнь показана так: её хозяева *нищих провели* и живут за счёт их труда; притом поработившая народ сила представляется чуть ли не сверхъестественной.

А в конце 1904 г. написаны стихи «Барка жизни встала...», где севшую на мель барку сдвинул *кто-то сильный в сером армяке* – и рабочие на ней «далёко, Весело плывут. Только нас с тобою, Верно, не возьмут!» Иносказание, думаю, прозрачное.

В 1905-1908 гг. в сознании Блока зрела тема о России, принимая иногда формы *фаинные* (в «Песне судьбы»).

Вот строки из его письма К. С. Станиславскому (9.12.1908), который заинтересовался этой драмой:

«Ведь тема моя, я знаю теперь это твердо, без всяких сомнений... всеобщая наша тема. Все мы, *живые*, так или иначе к ней же придем. Мы не пойдём, – она сама пойдёт на нас, *уже пошла*. Откроем сердце, – исполнит его восторгом, новыми надеждами, новыми силами, опять научит свергнуть проклятое «татарское» иго сомнений, противоречий, отчаянья, самоубийственной тоски, «декадентской иронии» и пр. и пр...

Не откроем сердца – погибнем... Полуторастамиллионная сила пойдёт на нас, сколько бы штыков мы ни выставили... *Свято нас растопчет*, будь наша культура – семи пядей во лбу, не останется от нее камня на камне.

В таком виде стоит передо мной моя тема, *тема о России* (вопрос об интеллигенции и народе, в частности). Этой теме я сознательно и бесповоротно *посвящаю жизнь*».

В декабрьские дни 1908 г. Блок дописал цикл "На поле Куликовом", герой которого ощущает единение с прочими защитниками Руси; он в ряду воинов её разных времён («Я – не первый воин, не последний...»)

Он одновременно как бы участник битвы с Мамаем – и *житель современности*, когда опять беды грозят стране; и ему грезится прошлое, драматически повторяющееся (слово *опять* есть в 2, 4, 5 стихотворениях цикла).

На поле Куликовом

5

Опять над полем Куликовым
Взошла и расточилась мгла,
И словно облаком суровым
Грядущий день заволокла.

За тишиною непробудной,
За разливающейся мглой
Не слышно грома битвы чудной,
Не видно молнии боевой.

Но узнаю тебя, начало
Высоких и мятежных дней!
Над вражьем станом, как бывало,
И плеск и трубы лебедей.

Не может сердце жить покоем,
Недаром тучи собрались.
Доспех тяжел, как перед боем.
Теперь твой час настал. – Молись!

Сейчас не *внешний враг* напал, не так видна угроза – но опять решается судьба России, и надо быть воином её.

Вспомним строки из письма Станиславскому: *татарским игом* там названо душевное состояние интеллигенции (*сомнения, противоречия, отчаянье, самоубийственная тоска, «декадентская ирония» и пр.*). Сближение с народом даст свежие силы для свержения этого *ига* – такая вот надежда.

В первом собрании своих стихотворений (1912) Блок сопроводил цикл «На поле Куликовом» следующим примечанием:

«Куликовская битва принадлежит, по убеждению автора, к сим-волическим событиям русской истории. Таким событиям суждено возвращение. Разгадка их еще впереди».

В конце 1908 г. Блок дважды выступает с докладом **«Россия и интеллигенция»**.

В № 1 за 1909 г. журнала **«Золотое руно»** публикует его.

«...Народ и интеллигенция; полтора ста миллионов с одной стороны и несколько сот тысяч – с другой; люди, взаимно друг друга не понимающие в самом основном.<...>

...К тем, кто желает мира и сговора, большинство из народа и большинство из интеллигенции относятся как к изменникам и перебежчикам.<...>

Интеллигентных людей, спасающихся положительными началами науки, общественной деятельности, искусства, – все меньше...<...>Требуется какое-то иное, высшее начало. Раз его нет, оно заменяется всяческим бунтом и буйством, начиная от вульгарного "богоборчества" декадентов и кончая неприметным и откровенным самоуничтожением – разворотом, пьянством, самоубийством всех видов.

В народе нет ничего подобного.<...> Если интеллигенция все более пропитывается "волею к смерти", то народ искони носит в себе "волю к жизни". Понятно, в таком случае, почему и неверующий бросается к народу, ищет в нем жизненных сил: просто – по инстинкту самосохранения; бросается и наталкивается на усмешку и молчание, на презрение и снисходительную жалость, на "недоступную черту"; а может быть, на нечто еще более страшное и неожиданное. <...>

...Гоголь представлял себе Россию летящей тройкой. <...> Что, если тройка, вокруг которой "гремит и становится ветром разорванный воздух", – летит прямо на нас? Бросаясь к народу, мы бросаемся прямо под ноги бешеной тройке, на верную гибель. <...>

Можно уже представить себе... что над нами повисла косматая грудь коренника и готовы опуститься тяжелые копыта».

На основе чего возможен *мир и сговор* с народом?

Не уверен, что Блок мог бы ясно ответить на этот вопрос, исходя из реальности. Или ответ придёт из *иных сфер*?

Боюсь, что, воспаряя над плоскостью жизни, улетаешь в пустоту, наполненную парами мистики разного толка.

Мне не близок ни её блоковский вариант, ни религиозная «духовность нищих духом» (так можно было б определить её, не будучи толерантным).

Народ, воля ваша, у Блока представлен романтически; *здоровый* такой. И в ход идёт *воля к жизни*; словосочетание, надо думать, от Артура Шопенгауэра (1788–1860) – на мой вкус, где-то тоже *философски романтическое*.

Думаю, работники нефизического труда в основном психически не «больнее» *народа*. Они вполне помаленьку хотят жить, чем могут... Но вдруг вроде *нездоровый* образ жизни чем-то интереснее?

Представления (мистические и прочие) Блока не дали ему *нормальной жизни*. Но нужна ли была она ему?

Поэты

За городом вырос пустынный квартал
На почве болотной и зыбкой.
Там жили поэты,— и каждый встречал
Другого надменной улыбкой.

Напрасно и день светозарный вставал
Над этим печальным болотом;
Его обитатель свой день посвящал
Вину и усердным работам.

Когда напивались, то в дружбе клялись,
Болтали цинично и пряно.
Под утро их рвало. Потом, запершись,
Работали тупо и рьяно.

Потом вылезали из будок, как псы,
Смотрели, как море горело.
И золотом каждой прохожей косы
Пленились со знанием дела.

Разнежась, мечтали о веке златом,
Ругали издателей дружно.
И плакали горько над малым цветком,
Над маленькой тучкой жемчужной...

Так жили поэты. Читатель и друг!
Ты думаешь, может быть,— хуже
Твоих ежедневных бессильных потуг,
Твоей обывательской лужи?

Нет, милый читатель, мой критик слепой!
По крайности, есть у поэта
И косы, и тучки, и век золотой,
Тебе ж недоступно все это!..

Ты будешь доволен собой и женой,
Своей конституцией куцой,
А вот у поэта — всемирный запой,
И мало ему конституций!

Пускай я умру под забором, как пес,
Пусть жизнь меня в землю втоптала,—
Я верю: то бог меня снегом занес,
То вьюга меня целовала!

(1908)

А тема о России продолжает быть далее.

В 1915 выходит книжка Блока «**Стихи о России**» (44 с.).

Во втором издании собрания сочинений Блока (1916) оформлен цикл стихотворений «**Родина**» (1907–1916).

7 из 27 текстов его написано в 1908 г.; 5 – в 1914 г. после начала *германской* войны.

Этот цикл – предмет особого разговора; вообще же по теме «Блок о России» написано много. Замечу только, что со временем образ страны у поэта несколько меняется.

После посещения Донбасса (тогда эти места называли Новой Россией) он пишет стихотворение «**Новая Америка**» (12.12.1913); его последние строфы:

На пустынном просторе, на диком
Ты всё та, что была, и не та,
Новым ты обернулась мне ликом,
И другая волнует мечта...

Чёрный уголь – подземный мессия,
Чёрный уголь – здесь царь и жених,
Но не страшен, невеста, Россия,
Голос каменных песен твоих!

Уголь стонет, и соль забелелась,
И железная воеет руда...
То над степью пустой загорелась
Мне Америки новой звезда!

7.06.1916 Александр Блок призван в армию и зачислен табельщиком в 13-ю инженерно-строительную дружину Всероссийского Союза Земств и Городов.

Из письма Блока Леониду Андрееву 29.10.1916:

«...Все словесное во мне молчит; полдня я провожу верхом на лошади, сплю на походной кровати, почти не умываюсь; что дальше будет, не знаю... Может быть, что-нибудь и выйдет из этого, когда пройдут годы: из нежной любви к лошади и стыда перед рабочими, которыми я ведаю; среди них много несомненного хамья и природной сволочи, но стыдно до тошноты, и чего – сам плохо знаешь: кажется, того, что все равно “ничего не поделаешь” (не вылечишь, не обуешь)».

А потом – революция.

Фотографии Блока 1917, 1918 гг.

Из письма матери 23.03.1917:

«Бродил по улицам, смотрел на единственное в мире и в истории зрелище, на весёлых и подобревших людей, кишачих на нечищенных улицах без надзора. Необычайное сознание того, что всё можно, грозное, захватывающее дух и страшно весёлое. Может случиться очень многое, минута для страны, для государства, для всяких «собственностей» – опасная, но всё побеждается тем сознанием, что произошло чудо и, следовательно, будут ещё чудеса. <...>»

Ничего не страшно, бояться здесь только кухарки...»

А вот из письма жене 21.06.1917:

«...Содержанием всей жизни становится всемирная Революция, во главе которой стоит Россия».

Но у многих «другие мысли и впечатления, увы, часто противоположные моим, что заставляет постоянно злиться, сдерживаться, нервничать, иногда – просто ненавидеть «интеллигенцию». Если «мозг страны» будет продолжать питаться все теми же ирониями, рабскими страхами, рабским опытом усталых наций, то он и перестанет быть мозгом, и его вышвырнут – скоро, жестоко и величаво... Какое мы имеем право бояться своего великого, умного и доброго народа? А могли бы своим опытом, купленным кровью детей, поделиться с этими детьми».

Вскоре восприятие поэтом революции воплотилось в статью «Интеллигенция и революция» и поэме «Двенадцать».

Интеллигенция и революция

9 января 1918

«В том потоке мыслей и предчувствий, который захватил меня десять лет назад, было смешанное чувство России: тоска, ужас, покаяние, надежда.<...>

То были времена, когда... скрутили революцию веревкой...<...> Теперь... поток, ушедший в землю... опять шумит, и в шуме его – новая музыка.

Мы любили эти диссонансы, эти ревы, эти звоны, эти неожиданные переходы... в оркестре. Но, если мы их *действительно любили*, а не только щекотали свои нервы в людном театральном зале после обеда, мы должны слушать и любить те же звуки теперь, когда они вылетают из мирового оркестра...<...>

Мы, русские, переживаем эпоху, имеющую не много равных себе по величию.<...> Те из нас, кто уцелеет, кого не "изомнет с налету вихорь шумный", окажутся властителями неисчислимых духовных сокровищ.<...>

Дело художника, *обязанность* художника – видеть то, что задумано, слушать ту музыку, которой гремит "разорванный ветром воздух".

Что же задумано?

Переделать все. Устроить так, чтобы все стало новым; чтобы лживая, грязная, скучная, безобразная наша жизнь стала справедливой, чистой, веселой и прекрасной жизнью.<...>

Горе тем, кто думает найти в революции исполнение только своих мечтаний, как бы высоки и благородны они ни были. Революция, как грозовой вихрь, как снежный буран... легко калечит в своем водовороте достойного; она часто выносит на сушу невинными недостойных; но – это ее частности, это не меняет ни общего направления потока, ни того грозного и оглушительного гула, который издает поток. Гул этот, все равно, всегда – о *великом*.<...>

Почему дырявят древний собор? – Потому, что сто лет здесь ожиревший поп, икая, брал взятки и торговал водкой.

Почему гадят в любезных сердцу барских усадьбах? – Потому, что там насиловали и пороли девок: не у того барина, так у соседа.

Почему валят столетние парки? – Потому, что сто лет под их развесистыми липами и кленами господа показывали свою власть: тыкали в нос нищему – мощной, а дураку – образovanностью.<...>

Или на нас не лежат грехи отцов? – Если этого не чувствуют все, то это должны чувствовать "лучшие".

Не беспокойтесь. Неужели может пропасть хоть крупинка истинно ценного? <...> Не бойтесь разрушения кремлей, двор-цов, картин, книг. Беречь их для народа надо; но, потеряв их, народ не все потеряет.<...> Кремли у нас в сердце, цари – в голове. Вечные формы, нам открывшиеся, отнимаются только вместе с сердцем и с головой.

Что же вы думали? Что революция – идиллия? Что творчество ничего не разрушает на своем пути? Что народ – паинька? Что сотни жуликов, провокаторов, черносотенцев, людей, любящих погреть руки, не постараются ухватить то, что плохо лежит? И, наконец, что так "бескровно" и так "безболезненно" и разрешится вековая распря между "черной" и "белой" костью... между интеллигенцией и народом? <...>

А лучшие люди говорят: "Мы разочаровались в своем народе"; лучшие люди... не видят вокруг ничего, кроме хамства и зверства... те, кто места себе не находил от ненависти к "царизму", готовы опять броситься в его объятия...<...>

Не знаю, что страшнее: красный петух и самосуды в одном стане или эта гнетущая немзыкальность – в другом?

Я обращаюсь ведь к "интеллигенции", а не к "буржуазии".<...> С этими не поспоришь, ибо дело их – бесспорное: брюшное дело.<...> У буржуа – почва под ногами определенная, как у свиньи – навоз: семья, капитал, служебное положение, орден, чин, бог на иконе, царь на троне. Вытащи это – и все полетит вверх торماشками.

У интеллигента, как он всегда хвалился, такой почвы никогда не было. Его ценности невещественны. Его царя можно отнять только с головой вместе. Уменьше, знание, методы, навыки, таланты – имущество кочевое и крылатое. Мы бездомны, бес-семейны, бесчинны, нищи, – что же нам терять? <...>

На глазах – сотни жуликов, а за глазами – миллионы людей, пока "непросвещенных", пока "темных".<...> Среди них есть такие, которые сходят с ума от самосудов, не могут выдержать крови, которую пролили в темноте (своей); такие, которые бьют себя кулаками по несчастной голове: мы – глупые, мы понять не можем; а есть такие, в которых еще спят творческие силы; они могут в будущем сказать такие слова, каких давно не говорила наша усталая, несвежая и книжная литература. <...>

Чем дольше будет гордиться и ехидствовать интеллигенция, тем страшнее и кровавее может стать кругом. <...> Бороться с ужасами может лишь дух. <...> А дух есть музыка. <...>

Всем телом, всем сердцем, всем сознанием – слушайте Революцию».

Статью бы прочитать надо, по-хорошему, в полном виде – но мне хотелось как-то её тут представить.

«Годы европейской бойни» убедительно показали Блоку убожество, пошлое сумасшествие «цивилизации».

Революция – творческое обновление жизни. Это может объединить народ и интеллигенцию. Тем более что враг у них общий: буржуа.

Социально буржуа интеллигенцию вроде не угнетают. Но они враги культуры: ценности буржуа – «брюшные».

У народа, верится поэту, есть и другие; и главное – он неуспокоенная стихия, а буржуа жаждут стабильности, консервации жизни в формах, которые ей удобны; а это смерть для культуры, которая есть движение.

Русская литература вообще как-то антибуржуазна. Не беру «левых»; а вот по самым классикам пройдемся.

Достоевский («Зимние заметки о летних впечатлениях»):

«Накопить фортуны и иметь как можно больше вещей – это обрратилось в самый главный кодекс нравственности. <...> Прежде хоть что-нибудь признавалось, кроме денег, так что человек и без денег, но с другими качествами, мог рассчитывать хоть на какое-нибудь уважение; ну, а теперь ни-ни. <...> Вам позволяют удивительные вещи, если у вас только есть деньги. Бедный Сократ есть только глупый и вредный фразёр и уважается только разве на театре, потому что буржуа всё ещё любит уважать добродетель на театре. Станный человек этот буржуа: провозглашает прямо, что деньги есть высочайшая добродетель и обязанность человеческая, а между тем ужасно любит поиграть и в высшее благородство».

А делец Лужин в «Преступлении и наказании» того же Фёдора Михайловича что говорит и как показан?

Льва Николаевича **Толстого** по этому вопросу можно цитировать вообще очень долго. Хотя бы из того, что как раз касается воспитания («Беседы с детьми по нравственным вопросам»): «Большое богатство наживается не трудами, а грехами». Или такое («О свободной школе»): «Живёт какая-нибудь семья... буржуазной жизнью, живёт – не пьянствует, не распутничает, не бранясь, не обижая людей, и хочет дать нравственное воспитание детям, но это так же невозможно, как невозможно выучить детей новому языку, не говоря на этом языке. <...> Нельзя не видеть, что люди, живущие на деньги, отобранные от других... живут безнравственной жизнью...» (деньги, «заработанные» капиталом, Толстой явно считал не трудовыми, а «отобранными»).

Про «человека с молоточком» из «Крыжовника» некоторые, возможно, ещё знают (без всякого ущерба для своего нравственного спокойствия); а вот дневниковая запись чудесного **Чехова** – по-моему, побуждающая к диахроническим сопоставлениям: «Обед в "Континентале" в память великой реформы. Скучно и нелепо. Обедать, пить шампанское, галдеть, говорить речи на тему о народном самосознании, о народной совести, свободе и т.п. в то время, когда кругом стола спуют рабы в фраках... это значит лгать святому духу».

Вот **Бунин**: «Я с истинным страхом смотрел всегда на всякое благополучие, приобретение которого и обладание которым поглощало человека, а излишество и обычная низость этого благополучия вызывали во мне ненависть».

Можно вспомнить и его «Господина из Сан-Франциско».

Пожалуй, современный преуспевающий буржуа должен бы отбирать у своих детей произведения классиков, чтобы не отравлять младенчески-эгоистическое сознание инфанта чуждыми представлениями. Впрочем, дитё само эти книги в руки обычно не берёт (отчитаться в школе по произведению можно не читая его); а если и берёт, то обычно без проблем для своей психики: не пробирает...

Буржуазность в этих традициях – это весьма средняя совесть (хотя почти в пределах уголовного уложения), самодовольная духовная ограниченность, с претензией на роль строителей жизни, глухота к художественной стороне бытия...

То есть *буржуазность* для многих писателей – понятие не только социальное, а во многом этическое и эстетическое.

Забавно, что сейчас надежды на «духовное возрождение» России иные связывают с укреплением буржуазного строя.

Из Записных книжек Блока (*март 1917*):

«Отойди от меня, Сатана, отойди от меня, буржуа! ...Лучше я или еще хуже его, не знаю, но гнусно мне, вотно мне...»

И обратим внимание на *музыку «мирового оркестра»*, о которой Блок пишет в статье.

Для него это не «художественный образ», а реальность. Насколько понимаю, Блок не отказался от представления о «тех мирах»; это видно и по его статье «Крушение гуманизма» 1919 г. (о ней ещё скажу). Эта мистическая *музыка* определяет события нашего мира.

Блок сотворил мифы о *Прекрасной Даме* и о *Революции*.

Поэма «Двенадцать»

29.01.1918, вчерне закончив поэму «Двенадцать», Блок заявляет в записной книжке: «Сегодня я – гений».

О разном, противоречивом – и часто негативном – отношении современников к этой поэме хорошо известно. Укажу только на показанное *Владимиром Орловым*.

В книге «*Гамаюн. Жизнь Александра Блока*» (Глава одиннадцатая, Испытание, 1) он пишет о рассказе Всеволода Иванова, которому однажды довелось встретиться с адмиралом Колчаком в домашней обстановке, за чашкой чая.

Узнав, что его собеседник переписывается с Горьким, «Колчак помолчал, помешал ложечкой, а затем сказал задумчиво: «И Горький... и в особенности Блок талантливы... И всё же их обоих, когда возьмём Москву, придётся повесить...»».

Впрочем, есть сомнения в достоверности этих воспоминаний.

Изображение революции в поэме Блока «Двенадцать»

Если пройтись по поэме с целью найти доказательства того, что автор сторонник революции – или противник её (задание для учащихся), можно изобразить примерно такое.

ЗА	ПРОТИВ
<p>«<i>Ветер, ветер – На всём божьем свете!</i>» Революция – стихия; это <u>естественная</u> сила, разрушающая старое, это очищение, обновление.</p> <p>Насмешка над <u>обывателями</u>, не понимающими огромности свершаемого (<i>кураца</i> старушка), болтунами (<i>вития</i> «вьёт словеса»); тут иронически употреблено древнее название оратора), над врагами <i>нового</i> (буржуй, барыня, поп).</p> <p>Злоба против старого мира – «<i>чёрная злоба, святая злоба...</i>»</p> <p>Объявлена борьба со <i>святой, толстозадой</i> Русью – косной, живущей мёртвыми традициями. «<i>Свобода, Эх, эх, без креста!</i>» Ибо крестом <i>сияло брюхо попа на народ</i> – и давило его... ← Ванька для <u>всех</u> красногвардейцев уже не <i>наш</i>, он стал врагом, <i>буржуем</i>. Они останавливают <i>лихача</i>, на котором едут Ванька с Катькой (<i>Стой, стой!</i>); при отказе подчиниться <u>законно</u> открывают огонь</p>	<p>Бунин («<u>Окаянные дни</u>»): «<i>Революция – стихия...</i>» <i>Землетрясение, чума, холера тоже стихии. Однако никто не прославляет их, не канонизирует, с ними борются.</i></p> <p>Враги – не только <i>верхи</i>, но и представители <i>средних слоёв</i>; безразличие к жизни <i>простого человека</i> (он же «<i>обыватель</i>») – а «<i>всякий раздет, разут</i>»... Ради кого тогда всё вершится?</p> <p>Как же эта злоба против мира <i>святая</i>, когда она <u>чёрная</u>?</p> <p>«<i>Без креста!</i>» – креста на них нет. Пулей – в <i>Святую Русь!</i>.. А попадает пуля в <u>Катьку</u>, перед революцией невиновную. Катьку-то Петруха убивает случайно, стреляя в Ваньку – но в него палит из <u>личной</u> мести. <i>Свобода</i> стала <u>беззаконием</u>, и можно мстить под флагом «классовой борьбы».</p> <p>И чем в этот момент Ванька виноват перед стражами порядка, какой закон он нарушил?</p>

ЗА	ПРОТИВ
<p>«Революционный держите шаг!» – лейтмотив поэмы. <i>Старый мир</i> для автора – «паршивый пёс»... Благословляется всемирный замах революции: <i>Мы на горе всем буржуйам Мировой пожар раздуем...</i></p> <p style="text-align: right;">←</p> <p>Красногвардейцы не радуются грабёжам, не призывают к ним; они <i>предупреждают</i> граждан о реальной опасности, а сами за каждым <i>этажом</i> уследить не могут. <i>Гуляет голытьба</i> – к этому они относятся с пониманием, тем более что противостоять просто не способны.</p> <p style="text-align: right;">←</p> <p>Про <i>семячки, темячко, ножичек</i> говорит <u>один из</u> патрульных, Петруха; и вправе ли он <u>всех</u> революционеров представлять? Это <i>слабое звено</i>; где его нет? Но он в строю тех, кто поправит его и поддержит, в <i>патруле</i> – а это начало нового строя мира.</p> <p>12 красногвардейцев идут за <u>Христом</u> с красным флагом; потому они воспринимаются как <i>апостолы святого дела</i>, ради которого они <i>ко всему готовы, ничего не жаль...</i> А что идут без имени святого... «<u>Именем</u>» этим прикрываются мертвеющие лики старого мира. «<i>Предоставь мертвым погребать своих мертвецов</i>» (Мф 8:21-22)</p>	<p>Иронически показаны мелочи <i>кривого</i> понимания свободы: проститутки собрание учиняют и договариваются о тарифах (<i>на время – 10, на ночь – 25</i>); а то просто народ пьянствует. А стражи порядка радуются: <i>Запирайте этажи, Нынче будут грабежи! Отмыкайте погреба – Гуляет нынче голытьба!</i></p> <p>Порядок жизни разрушен, никто ни за что отвечать не может и не желает. Красногвардейцу <i>скучно</i> – он сам видит ли <u>цель движения</u>? А со скуки ему – что темячко почесать, что ножичком кого пролоснуть...</p> <p>Охраняют ли эти патрульные порядок <u>на деле</u>? Грабителя поймали, спасли кого-то? Палят незнамо в кого...</p> <p>Красногвардейцы не идут за Христом, а <i>гонятся</i> за ним, <i>стреляют</i> в него. Флаг в его руках <i>кровавый</i> – это предвещает кровь <i>вперед</i>.</p> <p>И может ли быть <i>Исус Христос</i> вождём каторжников по духу («<i>На спину б надо бубновый туз</i>»: на одежду каторжника нашивали лоскут в виде ромба)?..</p>

«...К сожалению, Христос»

Явление Христа в конце поэмы Блока «Двенадцать» часто воспринимали с недоумением или возмущением.

Корней Чуковский в книге "Александр Блок как человек и поэт" (П.,1924; по <http://philology.ruslibrary.ru/default.asp?trID=352>):

«Помню, как-то в июне в 1919 году Гумилев, в присутствии Блока, читал в Институте истории искусств лекцию о его поэзии и между прочим сказал, что конец поэмы «Двенадцать» (то место, где является Христос) кажется ему искусственно приклеенным, что внезапное появление Христа есть чисто литературный эффект. Блок слушал, как всегда, не меняя лица, но по окончании лекции сказал задумчиво и осторожно, словно к чему-то прислушиваясь:

– Мне тоже не нравится конец «Двенадцати». Я хотел бы, чтобы этот конец был иной. Когда я кончил, я сам удивился: почему Христос? Но чем больше я вглядывался, тем яснее я видел Христа. И я тогда же записал у себя: к сожалению, Христос».

Записанного «к сожалению» у Блока ниде нет – но подразумевается.

В записной книжке 18 февраля 1918 г. (вскоре после написания поэмы):

«Что Христос идёт перед ними – несомненно. Дело не в том, «достойны ли они его», а страшно то, что опять. Он с ними, и другого пока нет; а надо Другого – ?»

В дневнике 20 февраля 1918 г.:

«Страшная мысль этих дней: не в том дело, что красногвардейцы «недостойны» Иисуса, который идет с ними сейчас; а в том, что именно Он идет с ними, а надо, чтобы шел Другой».

Здесь, собственно, два вопроса.

- 1) Почему – Христос? И «*именно Он*» ли, на самом деле? И с *красногвардейцами* ли он, если вглядеться? Или просто *перед*? Они-то ведь его не узнали...
- 2) Почему – «к сожалению, Христос»? А *кто* должен быть? Кто – *Другой*?

Многие считали, что этот некто, идущий *беглым шагом* во тьме, Христом быть не может.

Христос – воплощение *ненасилия*; что общего у него с красногвардейцами, служащими революционному *насилию*? Они «*идут без имени святого*» – без его имени...

Блок или плохо разглядел, *кто там*, «в столбах метели», или сознательно кощунствовал.

а) Первый вариант сразу дал Сергей Булгаков

Сергей Николаевич Булгаков (1871–1944) Юрист по образованию; занимался вопросами политэкономики; «христианский социалист». С 1901 г. профессор; в 1918 стал священником; в 1922 выслан за границу.

В мае 1918 г. Булгаков пишет диалоги «На пиру богов», где в третьем из них его персонаж *Беженец* говорит:

«...Вы, может быть, читали поэму А. Блока “Двенадцать”...<...>
...12 большевиков, растерзанные и голые душевно, в крови, «без креста», в другие двенадцать превращаются. Знаете, кто их ведет? <...> Впереди – Иисус Христос. <...>

Поэт здесь не солгал, он видел, как видел и раньше, – сначала Прекрасную Даму, потом оказавшуюся Снежной Маской, Незнакомкой, вообще совершенно двусмысленным и даже темным существом... И теперь он кого-то видел, только, конечно, не того, кого он назвал, но обезьяну, самозванца, который во всем старается походить на оригинал и отличается какой-нибудь одной буквой в имени...»

<http://www.vehi.net/bulgakov/napirubogov.html>

б) В кощунстве поэта обвинял, например, писатель Иван Бунин (1870–1953):

«...Нарочито хамские, кощунствующие именем Христа и Его Двенадцати Сподвижников вирши Блока!»

И. Бунин. *Страшные контрасты* (Газета "Одесские новости", 10.11.1918)
<http://ruslit.traumlibrary.net/book/bunin-publ-1918-1953/bunin-publ-1918-1953.htm#comm003002>

Потом в «Окаянных днях» (опубликованы в 1925) в записи под 1919 г. (*ночь на 24 апреля*) он высказался так:

«Да, мы надо всем...мудрим, философствуем. <...> Ведь вот и до сих пор спорим, например, о Блоке: впрямь его ярыги, убившие уличную девку, суть апостолы или не совсем?»

Или вот *петроградский священник*.

Текст с такой подписью был создан по случаю пятилетия смерти Блока и опубликован Н. А. Бердяевым в Париже в журнале «Путь» в 1931 г.

Автор текста, видимо, **Флоренский Павел Александрович** (1882–1937), священник, богослов. В 1933 г. арестован, в 1937 г. расстрелян.

Или **Федор Константинович Андреев** (1887–1929); протоиерей, богослов. Дважды ненадолго арестовывался; умер от туберкулёза.

Автор статьи, похоже, старается показать, что Блок вообще в своём творчестве был *бесовидец*, и утверждает:

«Поэма "Двенадцать" – предел и завершение блоковского демонизма...<...> Пародийный характер поэмы непосредственно очевиден... Двенадцать красногвардейцев, предводителем коих становится "Исус Христос", пародируют апостолов даже именами: Ванька – "ученик его же любяще", Андрюха – Первозванного и Петруха – Первоверховного.<...>

...Отказ от крещальных стяжаний: креста ("Эх, эх, без креста") и имени...("И идут без имени святого все 12 вдаль").

В поэме отчетливо и не обинуясь говорят черти:

Эх, эх, поблуди,

Сердце ёкнуло в груди.

Эх, эх, согреси,

Легче будет для души. <...>

Характер прелестного видения, пародийность лика являющегося в конце поэмы "Исуса" (отметим разрушение спасительного имени) предельно убедительно доказывает состояние страха, тоски и беспричинной тревоги "удостоившихся" такого видения. <...> На вопрос, по каким признакам можно распознать присутствие ангелов добрых и демонов, принявших вид ангелов, преп. Антоний Великий отвечал: "Явление Св. ангелов бывает невозмутительно. Являются они безмолвно и кротко... Нашествие и видение злых духов бывает возмутительно, с шумом, гласами и воплями, подобно нашествию разбойников. От сего в духе происходит: болезнь, смятение, страх смертный».

Могу только чуть удивиться тому, что свидетельством *фальшивости* Христа в поэме и этот автор, и Булгаков считают его «разрушенное» имя, без одной буквы: *Исус*. На самом деле это нормальная форма до середины XVII в. (до реформ Никона), сохранённая старообрядцами и в начале XX в. воспринимавшаяся как простонародная – что вполне в стилистике поэмы Блока.

Есть мнение: даже если впереди красногвардейцев *мелькает* именно Христос, из этого ещё не следует, что *Он заодно с ними*.

в) Поэт **Максимилиан Волошин** (1877–1932), например, писал (*Поэзия и революция* (Александр Блок и Илья Эренбург), 1919):

В конце поэмы «выявляется, наконец, тот незримый враг, на которого направлены винтовочки стальные. Голодный пес – старый мир... бредет сзади, поджав хвост и, как волк, оскалив зубы, но от него только отмахиваются. Винтовки и беспокойство направлены на кого-то другого, который всё мелькает впереди, прячется в сугробах, машет красным флагом, прячется за дома. Ему грозят...<...> В него стреляют. <...>

Двенадцать блоковских красногвардейцев изображены без всяких прикрас и идеализации ("На спину б надо бубновый туз!"); никаких данных, кроме числа 12, на то, чтобы счесть их апостолами, в поэме нет.<...>

Красный флаг в руках у Христа? В этом тоже нет никакой кощунственной двусмысленности. Кровавый флаг – это новый крест Христа, символ его теперешних распятий. <...>

...Эта прекрасная лирическая поэма... является милосердной представительницей за темную и заблудшую душу русской разиновщины. <...>...Блок уступил свой голос сознательно глухонемой душе двенадцати безликих людей, в темноте вьюжной ночи вершащих свое дело распада и в глубине темного сердца тоскующих о Христе, которого они распинают...»

http://dugward.ru/library/voloshin/voloshin_poeziya_i_revoluciya.html

Видимо, блоковский Исус для Волошина – испупитель ныне творимого греха. Христос есть воплощение того, что красногвардейцы распинают, но чего бессознательно взыскуют их *тёмные души* – а вовсе не святости революции...

г) Своеобразен взгляд **Михаила Пришвина** (1873–1954).

Запись в дневнике 9 декабря 1922 (Дневники. 1920–1922):

«...Это он сам, Блок, принимал на себя весь грех дела и тем, сливаясь с Христом, мог послать Его вперед убийц: это есть Голгофа – стать впереди и принять их грех на себя. Только верно ли, что это Христос, а не сам Блок, в вихре чувств закруженный, взлетевший до Бога...»

<http://mirknig.com/knigi/belletristika/1181441804-mm-prishvin-dnevnik-1920-1922.html>

д) Можно посмотреть и так: *второе пришествие* Христа должно произойти при *конце света*; тогда явление его – *апокалиптическое*.

Но в Откровении Иоанна Богослова (19,13–15) он выглядит так: «Он был облечен в одежду, обагренную кровию. <...> Из уст же Его исходит острый меч, чтобы им поражать народы. Он пасет их жезлом железным...»

А тут – «*в белом венчике из роз...*» И грозные видения его не сопровождают. И не о конце земной жизни думал Блок, а о её обновлении. В статье «Интеллигенция и революция», написанной тогда же (9.01.1918; опубликована в "Знамени труда", 19.01.1918) он говорит о цели революции:

«Устроить так, чтобы все стало новым; чтобы лживая, грязная, скучная, безобразная наша жизнь стала справедливой, чистой, веселой и прекрасной жизнью».

Во всяком случае, современники Блока в большинстве своём посчитали, что он именем Христа освятил революцию – и от него отвернулись многие интеллигенты, почитатели его поэзии.

А революционные власти печатали поэму тиражами редкими для тех времён (десятки тысяч экземпляров).

Они осторожно одобрили поэму.

Блок в записной книжке *9 марта 1918 г.* передаёт слова О.Д. Каменевой (комиссар Театрального отдела) о его поэме:

«...Очень талантливое, почти гениальное изображение действительности. ...Но читать их – не надо (*вслух*), потому что в них восхваляется то, чего мы, старые социалисты, больше всего боимся».

Лев Троцкий. (1879–1940) Из книги: Литература и революция. М., 1923:

«Россия раскололась надвое – в этом и состоит революция. Блок одну половину назвал паршивым псом, а другую благословил теми благословениями, какие имелись в его распоряжении: стихом и Христом...<...> Конечно, Блок не наш, но он рванулся к нам».

http://hufoo.ru/articles.php?article_id=11

Видимо, социалисты боялись восхваления *стихии* бунтарзула. А *Христос* их, атеистов, похоже, не очень смутил.

* * *

Вообще многие видят общее между *социальной этикой* учения Христа и стремлением социалистов к общественной справедливости.

Деяния апостолов, глава 4

32 У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имения своего не называл своим, но все у них было общее. <...> 34 Не было между ними никого нуждающегося; ибо все, которые владели землями или домами, продавая их, приносили цену проданного 35 и полагали к ногам Апостолов; и каждому давалось, в чем кто имел нужду.

Христианский социализм возник в начале XIX в. Характерно название одной из работ Сен-Симона (1760–1825) – «*Новое христианство*».

В России первым известным проводником таких идей был Петрашевский Михаил Васильевич (1821–1866).

В доме Петрашевского с 1845 г. проходили еженедельные собрания («пятницы»), где обсуждались социальные вопросы.

В 1849 г. Петрашевский и многие его «гости» были арестованы.

Судом Петрашевский и ещё 20 человек (в том числе Ф. М. Достоевский) были приговорены к смертной казни. После инсценировки расстрела было объявлено о замене казни каторгой.

Петрашевского отправили в Сибирь. С 1856 г. ссыльнопоселенец.

Находясь под следствием, он написал

Объяснение, что такое социализм.

«Социализм не есть изобретение новейшего времени... он всегда был в природе человека и в ней пребудет до тех пор, пока человечество не лишится способности развиваться и усовершенствоваться. <...>

Что первые христиане были социалисты по чувству... прочтите Деяния апостольские. <...> Вы из них увидите, что у них существовал на деле коммунизм – общность владения...<...>

Не надо силы ума необыкновенной... чтоб, остановясь на догмате "любви к ближнему, как к самому себе", суметь дойти до коммунизма; это должно совершиться само собою, если только в вас возникнет желание этому догмату добросовестно следовать... Нападая на коммунизм... нападают на догмат основной христианства...<...>

Социализм... это догмат христианской любви, ищущий своего практического осуществления в современной нам действительности...<...>

...Принесение личности человека в жертву капиталу, – вот что представляет собою настоящая промышленность...<...>

...Восставая противу тех злоупотреблений, тех законами дозволяемых по сие время разбоев, которые могут производить в настоящее время в обществе Ротшильды и другие владельцы капиталов... он [социализм] таковые безнравственные действия представляет в настоящем их виде».

А в начале XX в. тот самый **Булгаков**, который решил, что Блок увидел не Христа, а *самозванца*, повторяет:

«...Социализм <...> есть лишь средство для осуществления требований христианской этики».

(С. Н. Булгаков. Первохристианство и новейший социализм. 1909)

«Капитализм есть организованный эгоизм ... Никогда еще в истории не проводилось в жизнь такое безбожное, беспринципное служение золотому тельцу, низкая похоть и корысть, как ныне. <...>

Христианству не только нет никаких причин бояться социализма, но и есть полное основание принимать его в качестве благодетельной общественной реформы, направленной к борьбе с общественным злом, насколько эти меры не сопровождаются грубым насилием и сообразны с здравым смыслом».

С. Н. Булгаков. Христианство и социализм 1917 г. / Христианский социализм (С. Н. Булгаков). Новосибирск. «Наука», 1991: 242, 250

http://chri-soc.ru/soc_3.htm

И незадолго до конца жизни он пишет:

«...Русский коммунизм показал с достаточной очевидностью, каким безмерным бедствием он является, будучи осуществляем как жесточайшее насилие с попранием всех личных прав. <...> Однако возможен иной, так сказать, свободный или демократический социализм, и, думается нам, его не миновать в истории. И для православия нет никаких причин ему противодействовать, напротив, он является исполнением заповеди любви в социальной жизни».

Булгаков С., прот. Православие. Очерки учения Православной Церкви. М.: 1991
(Ориг. издание Paris: YMCA-Press, 1964)

Конечно, социализм *осуществляемый так*, как тогда в России, для Булгакова с именем Христа был несоединим.

Но для Блока, видимо, принцип *ненасилия* не главный в *учении* Христа. Важна идея социальной справедливости и ощущение глобальности перемен.

«Если бы в России существовало действительное духовенство, а не сословие нравственно тупых людей духовного звания, оно давно бы «учло» то обстоятельство, что «Христос с красногвардейцами». Едва ли можно оспорить эту истину, простую для людей, читавших Евангелие и думавших о нем».

А. Блок в дневнике 10 марта 1918

«Учение Христа, установившего равенство людей, выродилось в христианское учение, которое потушило религиозный огонь и вошло в соглашение с лицемерной цивилизацией...»

А. Блок, «Искусство и революция» 12 марта 1918

А перемены грядут – *великие*. Хотя революция жестока. Об этом Блок пишет в статье *«Интеллигенция и революция»*.

«Что же вы думали? Что революция – идиллия? Что творчество ничего не разрушает на своем пути? Что народ – паинька?»

Мир меняется теми людьми, какие есть.

Уничтожению старого мира служат и красногвардейцы из поэмы Блока, которым *«на спину б надо бубновый туз»* (напоминаю, это знак каторжника).

Хотя в этом можно видеть и своего рода *знак качества*. Писал же Достоевский в *«Записках из Мёртвого дома»* о каторжниках:

«Ведь это, может быть, и есть самый даровитый, самый сильный народ из всего народа нашего. Но погибли даром могучие силы, погибли ненормально, незаконно, безвозвратно».

А тут *лихие* красногвардейцы служат благому делу. И вовсе не грозят грабежами, а *предупреждают* граждан, чтобы те принимали меры безопасности – как и положено патрулю: *«Запирайте этажи – нынче будут грабежи»*.

«Христос с красногвардейцами» – хотя не они с ним...

Пусть эти *двенадцать* и не видят ясно Христа впереди, он опять, как и почти две тысячи лет назад, *вестник нового мира*.

По Блоку, почти две тысячи лет назад были востребованы и такие *революционеры*, как *Катилина*.

Вскоре после написания поэмы «Двенадцать» (напечатана 3 марта), в мае 1918 г., Блок пишет и озвучивает (а в начале 1919 г. издаёт) статью

«Катилина. Страница из истории мировой революции».

Внимание его к этой фигуре считают неслучайным.

Катилина (ок. 108 – 62 до н. э.) – патриций, устроивший заговор с целью убить консулов и стать диктатором; погиб.

Речи Цицерона и трактат историка Саллюстия «Заговор Катилины» дают о нём крайне негативное представление.

Этот *негодяй* – для Блока «римский большевик». Почему?

«О том, что Катилина был народолюбом или мечтал о всеобщем равенстве, речи, конечно, быть не может. Но... он был создан социальным неравенством, вскормлен в его удушливой атмосфере. Это не значит, конечно, что Катилина бичевал пороки современного общества; напротив, он соединил все эти пороки в своем лице и довел их до легендарного уродства».

Боясь упростить блоковский смысл этой статьи, предположу: Катилина для поэта – средоточие назревших проблем древнеримского общества, как бы социальный нарыв; и он должен был прорваться, этого требовало *дыхание истории*.

«В его время подул тот ветер, который разросся в бурю, истребившую языческий старый мир. Его подхватил ветер, который подул перед рождением Иисуса Христа, вестника нового мира. <...>

Рим был таким же студнем из многих государств, как и современная нам Европа. <...>...Всё это грызлось между собой, грабило друг друга, старалось додушить друг друга; огромное умирающее тело государственного зверя придавило миллионы людей...»

Видимо, Катилина, сам того не ведая, выполнял волю истории; его действия служили уничтожению одряхлевшего мира.

Хотя мне блоковское видение не кажется основательным. *Государственный зверь* Древнего Рима только набирал придавивший Европу вес – а умирал через полтысячелетия...

Почему же тогда для Блока – «к сожалению, Христос»; «...а надо Другого –?»

Надо обратить внимание на очень важный для Блока образ-понятие: человек-артист.

Появился он в марте 1919 г. в докладе Блока «*Гейне в России*», прочитанном в издательстве «Всемирная литература»

Он оформлен в статье «*Крушение гуманизма*» (7.04.1919) (прочитана как доклад 9 апреля, опубликована летом 1921 г.).

Положения этой статьи Блока многое объясняют (в *рамочках* даю свои комментарии к ней).

«Понятием *гуманизм* привыкли мы обозначать прежде всего то мощное движение, которое на исходе средних веков охватило сначала Италию, а потом и всю Европу и лозунгом которого был *человек* – свободная человеческая личность. Таким образом, основной и изначальный признак гуманизма – *индивидуализм*. <...>

Гуманизм – не *человеколюбие* (оно называется *гуманностью*). Это идея свободы индивидуума как высшей ценности – поэтому противостоит и средневековым представлениям о *социальном типе*, в который должна вписываться особь, и религиозному *самоумалению*, и так называемому «*роевому началу*» массового сознания.

...Массы в те времена не были движущей культурной силой, их голос в оркестре мировой истории не был преобладающим. Естественно однако, что, когда на арене европейской истории появилась новая движущая сила – не личность, а масса, – наступил кризис гуманизма. <...>

Цивилизовать массу не только невозможно, но и не нужно. Если же мы будем говорить о приобщении человечества к *культуре*, то неизвестно еще, кто кого будет приобщать с большим правом: цивилизованные люди – варваров, или наоборот: так как цивилизованные люди изнемогли и потеряли культурную цельность; в такие времена бессознательными хранителями культуры оказываются более свежие варварские массы. <...>

У Блока противопоставление *цивилизации* (социальная организация, форма) и *культуры* (творческая энергия жизни). Когда формы становятся помехой её движению, они должны быть сломаны. *Гуманистическая цивилизация* стала сковывающими *формами*; а *энергию движения* хранят массы...

Есть как бы два времени, два пространства; одно – историческое, календарное, другое – нечислимое, музыкальное. ...Во втором мы живем лишь тогда, когда чувствуем свою близость к природе, когда отдаемся музыкальной волне, исходящей из мирового оркестра. <...>

Блок остаётся символистом-мистиком. Второе пространство-время явно не материально. Но музыка *мирового оркестра*, звучащего там, воплощается в явлениях нашего мира (по “неоплатоническим” символистским представлениям).

И жизнеспособно то, в чём проявляется *дух музыки – той* музыки.

Всякое движение рождается из духа музыки, оно действует, проникнутое им, но, по истечении известного периода времени, это движение вырождается, оно лишается той музыкальной влаги, из которой родилось, и тем самым обрекается на гибель. Оно перестает быть культурой и превращается в цивилизацию. Так случилось с античным миром, так произошло и с нами. <...>

Хранителем духа музыки оказывается та же стихия, в которую возвращается музыка... тот же народ, те же варварские массы. <...> Культура будущего копилась... в синтетических усилиях революции, в этих упругих ритмах...<...>

Музыка эта – дикий хор, нестройный вопль для цивилизованного слуха. Она почти невыносима для многих из нас, и сейчас далеко не покажется смешным, если я скажу, что она для многих из нас и смертельна. Она – разрушительна для тех завоеваний цивилизации, которые казались незыблемыми; она противоположна привычным для нас мелодиям об “истине, добре и красоте”; она прямо враждебна тому, что внедрено в нас воспитанием и образованием гуманной Европы прошлого столетия. <...> Если мы действительно цивилизованные гуманисты, мы с этим никогда не помиримся; но если мы не помиримся... не окажемся ли мы скоро отрезанными от мира и от культуры, которую несет на своем хребте разрушительный поток?

Блок не ужасается крушению гуманизма – он видит в этом необходимость. Более того, это порождает надежды на радикальное обновление человека.

Во всем мире звучит колокол антигуманизма; мир омывается, сбрасывая старые одежды; человек становится ближе к стихии; и потому – человек становится музыкальнее. <...>

...Формируется новый человек: человек – животное гуманное, животное общественное, животное нравственное перестраивается в артиста, говоря языком Вагнера. <...>

Рихард Вагнер (1813–1883) не только композитор – он теоретик, публицист. В статье «Искусство и революция» (1849) он развивает свою *Künstlerutopie* («утопию искусства»):

«Христос нам показал, что мы, люди, все равны и братья». Но *христианство* подавило природу человеческую ради мнимого счастья на небесах. Ныне служат Меркурию, «богу пяти процентов»; «в угоду богатым бог стал индустрией», которая стирает личность и держит «христианского рабочего» в рабстве.

Необходима и произойдёт революция, освящённая искусством.

«...У них общая цель, и они могут ее достигнуть лишь при условии, что оба признают ее. Эта цель – человек прекрасный и сильный: пусть Революция даст ему Силу, Искусство – Красоту».

Я утверждаю, наконец, что исход борьбы решен и что движение гуманной цивилизации сменилось новым движением, которое также родилось из духа музыки; теперь оно представляет из себя бурный поток, в котором несутся щепы цивилизации; однако в этом движении уже намечается новая роль личности, новая человеческая порода; цель движения – уже не этический, не политический, не гуманный человек, а человек-артист; он, и только он, будет способен жадно жить и действовать в открывшейся эпохе вихрей и бурь, в которую неудержимо устремилось человечество».

Артист не в смысле *актёр*, вообще человек, выступающий перед зрителями (*артист балета, цирка*), а в широком смысле, от слова *искусство* (лат. *ars, artis*).

Человек-артист творит свою жизнь как произведение искусства – по законам *чувства* и *эстетическим*, а не социальным, нравственным...

Тут вспоминаются слова Пушкина на полях статьи Вяземского: «*Поэзия выше нравственности – или по крайней мере совсем иное дело*».

И кстати тут вспомнить стихотворение Блока из цикла «Кармен» «*Нет, никогда моей, и ты ничьей не будешь...*»

Поэт говорит, обращаясь к его героине:

Сама себе закон – летишь, летишь ты мимо,
К созвездиям иным, не ведая орбит,
И этот мир тебе – лишь красный облак дыма,
Где что-то жжет, поет, тревожит и горит!

И в зареве его – твоя безумна младость...
Всё – музыка и свет: нет счастья, нет измен...
Мелодией одной звучат печаль и радость...
Но я люблю тебя: я сам такой, Кармен.

Это художественное, *артистическое* наполнение жизни сильным, ярким без оглядки на то, соответствует ли оно принятым нормам и приносит ли благополучие (которое обычно и считают счастьем). *Полнота* существования есть его *музыка и свет*; в этом вкус жизни *человека-артиста*.

Исус не может вести к такой цели – *человек-артист* как «новая человеческая порода». С образом Христа могут связывать представление о *ближней* социальной цели – равенство, справедливость...

Этой цели не смогли достичь за почти 2000 лет; пора бы, наконец. Люди видят пока только в лучшем случае «Исуса», и почти никто – конечную цель и того, кто мог бы к ней вести. «*К сожалению...*»

При обсуждении вопроса о том, кто же должен быть этот *Другой*, один ученик предположил:

– Наверное, Кармен. Под красным знаменем...

Конечно, вопрос: почему, собственно, Блок решил, что такова *дальняя* цель движения, революции?

Было ли, есть ли что-то в реальности, позволяющее на это надеяться?

Или он *прозревал* будущее видением поэта-символиста, мистическим?

Похоже, на самом деле Блок «заморочивался» ещё больше, чем подозревают (кто вообще о нём думает).

Что было в жизни и сознании Блока в последующие и последние два года его жизни, как они его ломали – эту большую и важную тему трогать уже не буду.

Заглянем только в пару писем из последних.

8.01.1921. Пожелания «будущему ребёнку» *Надежды Коган*:

«...Пусть... он будет человеком *мира*, а не войны, пусть он будет спокойно и медленно созидать истреблённое семью годами ужаса. Если же это невозможно, если кровь всё ещё будет в нём кипеть и бунтовать и разрушать, она во всех нас, грешных, – то пусть уж его терзает всегда и неотступно прежде всего *совесть*, пусть она хоть обезвреживает его ядовитые, страшные порывы, которыми богата современность наша и, может быть, будет богато и ближайшее будущее.

Поймите, как я говорю это, говорю с болью и отчаянием в душе; но пойти в церковь всё ещё не могу, хотя она зовёт. Жалейте и лелейте своего будущего ребёнка; если он будет хороший, какой он будет мученик, он будет расплачиваться за всё, что мы наделали, за каждую минуту наших дней.

Вот Вам слова лучшие, какие только могу найти сейчас, самое большое, что я могу увидеть и обобщить моими слепящими от ужаса глазами – в будущем».

25.05.1921 пишет *К. И. Чуковскому* о себе: «...слопала-таки поганая, гугнивая родимая матушка Россия, как чушка своего поросёнка».

фотография 1921 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

«Серебряный век»	3
Историческое отступление о лирических тиражах	7
О поэтике «Серебряного века»	19
Александр Блок	22
Прекрасная Дама	24
Прочие Дамы и стихи о них	34
«Тема о России»	53
Поэма «Двенадцать»	63
«К сожалению, Христос»	66

Изображения

На титульном листе: К. А. Сомов Портрет А. А. Блока 1907 г.
С. 63: из иллюстраций Ю. П. Анненкова к поэме «Двенадцать» 1918 г.

Учебное пособие
Александр Александрович Штоль

**«Серебряный век» русской поэзии
часть 2
Символист Александр Блок**

Серия СПЕКТР
Выпуск 3

Оригинал-макет подготовил А. А. Штоль

Подписано в печать 29.12.2014
Заказ №

Формат 60x84/16
Усл. печ. л. 4,6
Уч.-изд. л. 5,5
Тираж 100 экз.

Редакционно-издательский центр НГУ,
630090 Новосибирск, ул. Пирогова, 2